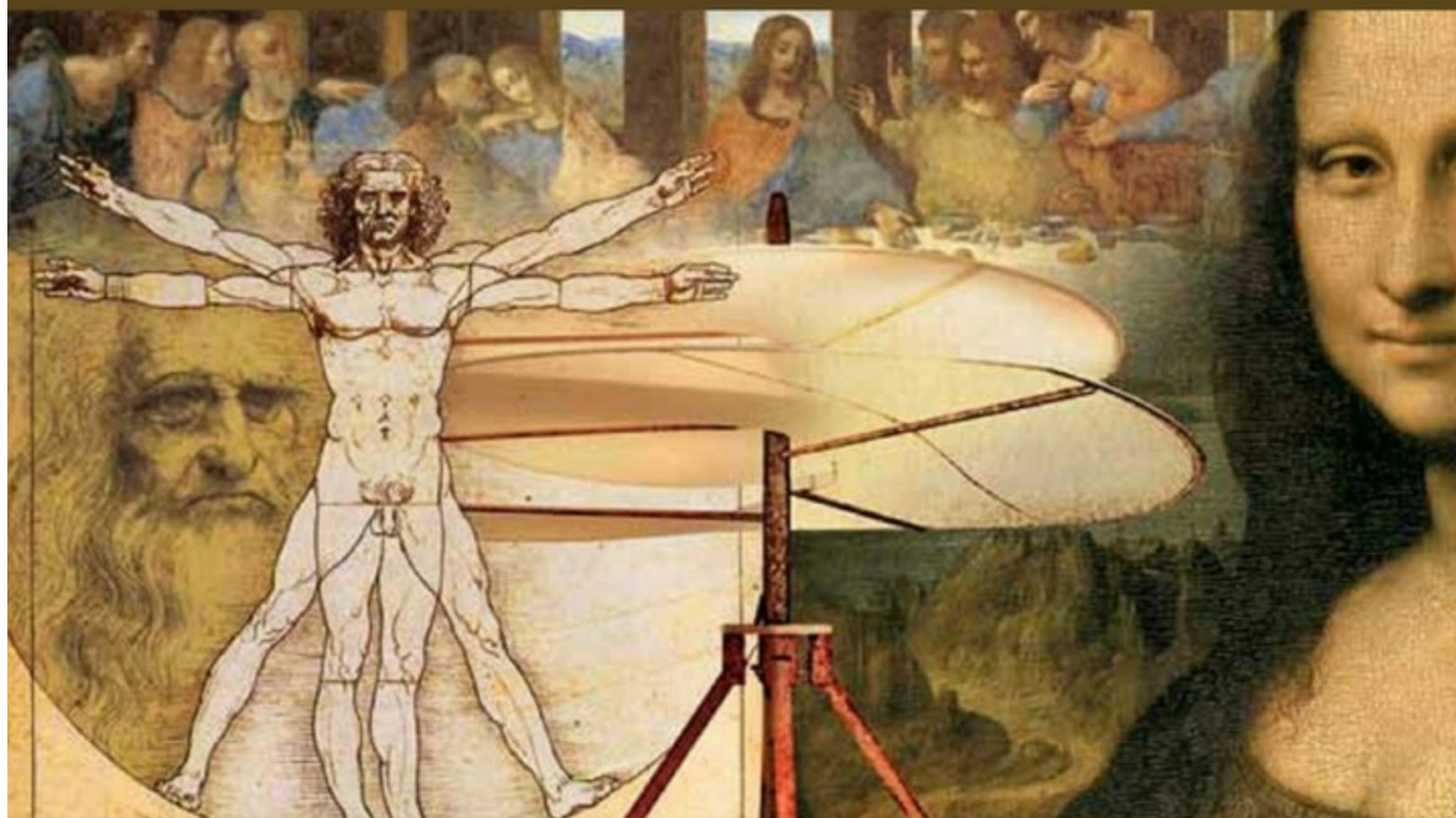

Валериан Маркаров

ГЕНИИ ТОЖЕ ЛЮДИ...

Леонардо да Винчи

16+

Валериан Маркаров

Гении тоже люди...
Леонардо да Винчи

«Автор»

2017

Маркаров В.

Гении тоже люди... Леонардо да Винчи / В. Маркаров —
«Автор», 2017

ISBN 978-5-532-12431-8

Жил один необыкновенный человек, чье имя знакомо каждому — Леонардо да Винчи. Его жизнь была полна тайн, побед и поражений, трагедий и любви. Увлекательный исторический роман переносит нас в Италию эпохи Возрождения, а его персонажи — римские папы и кардиналы, короли и военачальники, политики и художники — предстают живыми людьми. В книге затронуты темы, которые могут задеть чувства определенной части людей. Читайте удивительную историю жизни прекрасного человека, жизни, ставшей легендой... В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой

ISBN 978-5-532-12431-8

© Маркаров В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	49
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Валериан Маркаров

Гении тоже люди... Леонардо да Винчи

Предисловие

Жил один необыкновенный человек – художник и изобретатель, архитектор и строитель, ученый-естествоиспытатель и философ, музыкант и мечтатель... Имя его знакомо каждому – Леонардо да Винчи. Это один из самых загадочных людей, чья гениальность проявлялась во многих сферах деятельности, став символом эпохи Возрождения. Его жизнь была полна побед и поражений, трагедий и любви. Он знал, что такое отчаяние и одиночество. И что такое – медные трубы всеобщего восхищения.

Создатель бесспорных шедевров, он внезапно охладевал к искусству, оставляя свои картины незаконченными. Его рисунки с одинаковым совершенством изображают как красоту человека и мира, так и уродливые, жестокие сцены бытия. Ему принадлежит множество самых разнообразных изобретений, далеко опередивших его время и сохраняющих свое значение в наши дни.

Загадочна личная жизнь этого человека, зашифровавшего свои чувства так же, как он шифровал свои труды, записывая их «зеркальным письмом». У него были преданные ученики и непримиримые соперники, среди которых Микеланджело и Рафаэль. Он общался с простлюдинами и с сильными мира сего. Все они прошли перед внимательным и холодным взглядом Леонардо.

Его время осталось в его трудах, сам же он по-прежнему будоражит наше воображение не только тем, что оставил, но и тем, что унес с собой. Это интригующие тайны и загадки, плодотворные научные открытия, а также личная драма – все это буквально пронизывало жизнь Леонардо да Винчи.

Книга, которая переносит нас в Италию конца XV – начала XVI веков и погружает в драматичный период истории, читается как увлекательный роман, персонажи которого – римские папы и кардиналы, короли и военачальники, политики и художники, которых отделяют от нас более 500 долгих лет – предстают живыми людьми, испытывающими радость и печаль, взлеты и падения, любовь и предательство, наслаждение и боль.

Понять Леонардо да Винчи можно, наверное, лишь прожив жизнь так, как прожил ее он. Мы можем только прикоснуться к тайникам его души, внимательно изучая его творческое и научное наследие, в которое он вложил огромную любовь ко всему человечеству, вдумываясь в его слова и воспринимая сердцем всю глубину его переживаний. Он показал миру, что истинная мудрость заключается не только в науке, искусстве и прогрессе, но и неотделима от любви и человечности.

В книге затронуты темы, которые могут задеть чувства определенной части читателей, а некоторые интерпретации исторических фактов являются спорными. Описанные здесь события из жизни великого Гения Возрождения удачно переплетаются, являясь основой этого литературного произведения, и по-новому открывают читателю эпоху Ренессанса – одновременно трагичную и полную надежд на светлое будущее человечества.

Прочитав эту книгу, вы прикоснетесь к удивительной истории жизни ГЕНИЯ, которому нисколько не чужды человеческие потребности и слабости. Вы прикоснетесь к жизни, наполненной талантом и жаждой знаний, многогранностью интересов и непреодолимой тягой к наукам и всему прекрасному. Жизни, ставшей легендой...

Приятного Вам чтения!
С уважением Ваш,
Валериан Маркаров.

Глава 1

Ясным солнечным утром 3 марта 2019 года молодой профессор Флорентийского Университета Марко Тоскано, выходя за порог собственного дома в центре Флоренции, столкнулся лицом к лицу с районным почтальоном, ежедневно в полдень приносящим ему свежую прессу и корреспонденцию.

– Доброе утро, синьор Тоскано. Как Вы поживаете? – слегка наклонив голову вправо, спросил почтальон, обнажив в простодушной улыбке передние, пожелтевшие от курения, зубы.

– Доброе-доброе, синьор Джерпонимо! Спасибо! И вы выглядите сегодня превосходно! – вежливо ответил на приветствие Марко.

– Божьими молитвами, синьор Тоскано, дотяну до возраста своего дяди. Он дожил до 100 лет и, знаете ли, всё дело в грибах...

– Грибы продлевают жизнь? – искренне удивился Марко, слегка подняв брови.

– Да нет! Он их просто никогда не ел! – почтальон вновь обнажил зубы в кривой, но какой-то наивной улыбке.

– Шутник вы однако, синьор! – Марко сощурил глаза, посмотрев в глаза Джерпонимо. – У Вас с собой, как обычно, свежие новости! – и получил взамен увесистую кипу газет вместе с парой писем, пожелав почтальону хорошего дня:

– А presto – до скорого!

Оставив прессу у входа в дом, он аккуратно вложил письма в свой кожаный портфель, машинально посмотрел на небо и вновь вернулся в дом за зонтом и солнечными очками, а затем размеренным шагом направился на работу. До начала первой лекции оставалось около 40 минут, и этого было более чем достаточно, чтобы прийти туда вовремя.

Надо сказать, Марко отличался от истинных итальянцев – те считают пунктуальность воровкой времени и не видят большого греха в опоздании. Он же был точен и аккуратен во всем, что его окружало. Это выжалось в его любви к чистоте и порядку, его тщательности и точности в делах, внешней опрятности и безукоризненности, исполнительности и исключительной организованности. В какой-то степени его можно было даже назвать педантом, но его умеренный педантизм не имел ничего общего с патологией, ведь, как известно, педанты не просто скучны, они невыносимы в своем пороке. При этом, характер он имел все-таки итальянский, живой, постоянно готовый к доброй шутке и широкой улыбке, невольно демонстрируя в этом действе ровные ряды красивых, белых зубов и распространяя вокруг себя позитивное настроение и теплую ауру.

Здесь, в Италии, говорят, что «мартовские дожди приносят майские цветы», и это верно для средиземноморского и субтропического влажного климата – во Флоренции в это время года уже стоят теплые дни. Марко любил посвящать свободную часть своего времени прогулкам по Флоренции. Несмотря на то, что он родился в этом удивительном городе и знал каждую

его улочку, он, тем не менее, мог гулять по этой «обители вечности» бесконечно, с каждым разом открывая ее для себя заново.

Еще будучи школьником старшего класса, он стал подрабатывать экскурсоводом, и вскоре стал членом Ассоциации Гидов Флоренции, потихоньку учась красноречием своим уносить внимательных слушателей в другую эпоху. Сначала не все удавалось. Но вскоре Марко, по совету старшего коллеги Алессандро, стал работать над своей дикцией и артикуляцией, а также культурой речи, расширяя свои познания в области предмета экскурсии. Уже тогда он стал развивать свои аналитические способности, начал копаться в архивных материалах и расширять кругозор из различных источников информации. Практика научила его разбираться в людях и убедила его, что туристов не очень интересуют точные даты каких-то событий, зато их пробуждает живой, артистичный рассказ, особенно если он сопровождается пикантными подробностями из жизни известных личностей. Марко называл это «жареными фактами». Алессандро, будучи намного более опытным в этом деле, и, как результат, сумевший сделать себе имя в индустрии туризма, как-то сказал ему:

– Марко, в дополнение к твоему родному итальянскому, ты еще и прекрасно владеешь английским языком, что важно в нашей деятельности. Я вижу в тебе интерес к этой работе и огромный потенциал для развития. Одним словом, толк из тебя выйдет. Ты только помни, что наша профессия относится к творческим видам труда. Мы и художники, и артисты, и шуты, поэты, педагоги и психологи, но не ремесленники, нет! Если твоя аудитория требует хлеба и зрелищ, пусть они их получают сполна, не стесняя себя в проявлении нашей истинной итальянской эмоциональности. Разбуди их и уведи от жизненной суеты, заставь отрешиться от житейских забот и проблем. А если понадобится, подари им красивую легенду, искусно завернутую в оболочку правды, и пусть она усладит им душу. Разожги огонь в их глазах. Вот тогда ты будешь востребован как специалист и в твоём кармане не переведутся деньги. Главное, люби свою профессию и никогда не переставай совершенствоваться!

Слова, сказанные Алессандро, Марко запомнил навсегда и руководствовался ими. Проводя экскурсии, он говорил, что Флоренция – это место, где можно прикоснуться к вечной красоте. Действительно, здесь ее было в избытке! Ведь это, наверное, один из самых удивительных городов в мире. «Флоренция» в переводе означает «цветущая», и это название как нельзя лучше передает ее характер, поскольку в этом городе собран весь цвет западной культуры и искусства. Гигантский музей под открытым небом, где улицы, дворцы, музеи и площади украшены творениями великих мастеров. Прекрасно сохранившиеся памятники архитектуры, каждый из которых внимательно наблюдал за историей на протяжении веков, дворцы династии Медичи, сады Боболи, великолепие площади Синьории. Кафедральный Собор Санта-Мария дель Фьоре, Баптистерий с его золотыми дверями, изысканный фасад церкви Санта-Мария Новелла и Санта Кроче, где нашли свой вечный покой такие выдающиеся люди своего времени как Микеланджело Буонаротти, Галилео Галилей, поэт Данте Алигьери, мыслитель Никколо Макиавелли, композиторы Джоакино Россини и Михаил Огинский, и еще около трехсот знаменитых флорентийцев – деятелей культуры, науки и политиков. А вот и базилика Сан Лоренцо и усыпальница Медичи, холодный и неприступный Барджелло – в прошлом тюрьма, а теперь – музей скульптуры и прикладного искусства, Академия и «Давид» Микеланджело, Палатинская галерея и Уффици, который считается одним из наиболее старых музеев в Европе.

Появилась Уффици в один из самых значительных моментов истории – в эпоху наивысшего рассвета Флорентийского Ренессанса по воле эрц-герцога Козимо I де Медичи. И была

она создана, Марко подчеркивал это в своих лекциях, в городе, где когда-то был введен в употребление спорный тогда, исчезнувший на века термин «музей», поскольку античные греки этим словом обозначали место, посвященное Музам. И сегодня в Галерее Уффици находится ни с чем не сравнимое художественное достояние: тысячи живописных полотен от средневековых до современных, античные скульптуры, миниатюры, гобелены. А ее единственное в мире уникальное собрание автопортретов постоянно пополняется непрекращающимися покупками и дарениями современных художников. Здесь рождалась вечная музыка, писались божественные стихи и поэмы, создавались шедевры живописи. Леонардо да Винчи, Рафаэль, Бокаччо, Петрарка, Филиппо Брунеллески – эти и многие другие имена неразрывно связаны с Флоренцией, они наградили её изяществом, гармонией и вечным цветением.

И вот сейчас, по прошествии более двадцати лет с той поры, когда Марко только начал свою экскурсионную деятельность, он вновь с удовольствием организовывал «исторические прогулки», но уже не с туристическими группами, а для своих студентов. «Без прошлого нет будущего», – говорил он, помогая будущим искусствоведам окунуться в уникальную атмосферу этой колыбели эпохи Возрождения, перенося их посредством своих увлекательных рассказов в то далекое время, когда по улицам Флоренции ходил Микеланджело, когда на тех же улицах неистовый монах-доминиканец Савонарола проповедовал толпе и происходили междоусобные столкновения господствующих кланов, во время, когда с огромным успехом давал свои концерты Вольфганг Амадей Моцарт.

Марко мог часами гулять по городу, если только неожиданная гроза не вынуждала искать убежища в каком-нибудь из местных кафешек, где толпы туристов наслаждались различными видами салями, пекорино и обильно натертой морской солью и очень тонко нарезанной пармской ветчиной прошутто. Трапеза заканчивалась обычно нежнейшим маскарпоне с кофе эспрессо, к которому нередко добавляли ликер лимончелло.

Кофе – это в Италии почти что религия. И, заходя в кафе, Марко по обыкновению заказывал два эспрессо, один – для себя, второй же – *caffè sospeso*, или так называемый «подвешенный» кофе, был предназначен для того посетителя кафе, который не может себе лишнего раз его позволить. Марко знал, что иной раз в кафе заглядывает нищий и спрашивает, есть ли «подвешенный» кофе. Марко считал эту добрую традицию «подарком кофе миру», и действительно, подарить кофе неимущему являлось для него не только жестом помощи, но и стилем жизни.

К тосканской кухне туристы питают особую слабость; она, и только она, заложила основы итальянской гастрономии. Правда, пиццу и пасту – самые знаменитые блюда итальянской кухни – изобрели не в Тоскане, но сама идея итальянской гастрономии, ориентированной на продукты местного производства и сезонность, появилась именно здесь, во Флоренции.

Проходя мимо ресторана Ла Спада, который так любят как туристы, так и сами жители Флоренции, Марко почувствовал, что ему захотелось есть. Утром, еще дома, он совершил свой обязательный ритуал, выпив чашечку капучино, больше у него во рту не было даже маковой росинки. Он иногда заглядывал в этот ресторан, заказывая таглиолини с лососем, капеллети в бульоне, или их фирменное блюдо – *bistecca alla fiorentina*.

Он хорошо знал, что в этом ресторане местными кулинарными умельцами толстый кусок деликатесной говядины с косточкой по-середине обжаривается на горячих углях так, что снаружи он хрустит поджаренной корочкой, но обязательно сочный и с кровью внутри. Солить,

перчить и поливать оливковым маслом мясо следует только после того, как оно равномерно поджарится со всех сторон. Марко любил наслаждаться этим вкуснейшим стейком, не опошляя его добавлением гарнира, и медленно запивал его маленькими глотками тосканского кьянти из одноименной провинции, которая по праву считается лучшим винодельческим регионом Италии.

Вина Кьянти пользуются мировой славой, и практически все знаменитости и великие артисты прошлого тем или иным образом восхваляли достоинства местных вин, особенно их сухое красное вино из сорта Санджовезе. Таким образом, провинция Кьянти была раем для гурманов, наслаждающихся здесь вкусом истинного тосканского вина и традиционных блюд тосканской кухни. На первый взгляд она кажется примитивной, но в этом и кроется ее секрет, что кухня Тосканы проста до... изысканности, и хитрит она своими вкусами с ловкостью старого тосканца. В самом простом, казалось бы, блюде найдется тысяча оттенков вкуса, а сплетение ароматов сведет с ума не одного ценителя тонких, изысканных блюд. Но не только этим известна Кьянти. Кому как не Марко было знать, что ее нежные пейзажи вдохновляли поэтов и художников разных времен. Ведь знаменитый пейзаж за спиной таинственно улыбающейся Моны Лизы величайший Леонардо да Винчи писал по памяти именно с этих холмов Кьянти...

Марко, хмелея то ли от внезапно нахлынувшего чувства голода, то ли от свежего полуденного воздуха, в котором растворились еще холодные капельки реки Арно, несущей свои совершенно непредсказуемые воды от самих Апеннин, почувствовал, как сильно его потянуло за стол! Он как раз проходил мимо церкви Святой Маргариты дей Черки, той самой, которую еще называют церковью Данте Алигьери, поскольку именно здесь поэт встретил свою музу Беатриче, чьи останки в итоге обрели вечный покой в этой церкви. Безуспешные попытки обуздать голод не привели ни к чему, и вот уже ноги понесли его к ларьку с закусками, что находился рядом. Да, он бы сейчас не отказался даже от лампредотто, невзирая на то, что эту незатейливую булочку-бутерброд для простолюдинов, начиненную отваренным коровьим желудком, во Флоренции едят с 15 века!

Жадно откусывая от горячей булочки и второпях прожевывая немного неподатливое, тянущееся мясо, он не смог не отметить для себя, что очередь из желающих съесть этот флорентийский фаст-фуд была вовсе не меньше, чем очередь жаждущих заглянуть в церковь Данте. Так что же первично, усмехнулся Марко себе под нос – сознание или материя? Извечный спор! В данную минуту, ускоренно поглощая лампредотто, эта дилемма для Марко однозначно разрешилась в пользу материалистов. Голова отказывалась думать, а душа – трудиться, пока в пустом желудке играл духовой оркестр, дирижируемый голодным сквозняком.

Марко ускорил шаг, он торопился на запланированную лекцию в Университете Флоренции, где он вот уже восьмой год в статусе профессора преподавал на факультете искусств, получив академическую степень доктора Истории Искусств в Оксфордском Университете после блистательной защиты диссертации по теме, напрямую связанной с творчеством Леонардо да Винчи и эпохой Возрождения.

Его философские высказывания, а он часто использовал их на своих лекциях, служили мощным мотиватором для студентов и пробуждали интерес к выбранной профессии для тех, кто был нацелен на успех в жизни, а их, к неопишуемому удовлетворению Марко, было подавляющее большинство. Он, например, говорил студентам, что если они сейчас уснут, то им, конечно, приснится их мечта. Если же они вместо сна выберут учебу, то воплотят свою мечту в жизнь. И продолжал, говоря, что когда они думают, что уже слишком поздно что-то начинать,

на самом деле, всё еще рано. И что жизнь – это не только учеба, так что если они не могут пройти даже через эту ее сравнительно короткую часть, то на что тогда они, вообще, способны? А рассказывая о подписанных им контрактах на прочтение лекций в университетах разных стран, с порой более чем просто щедрыми гонорарами, он уже показывал на собственном примере, что их будущая зарплата будет прямо пропорциональна их уровню образования. Это было, наверное, самым впечатляющим убеждением для молодых умов!

– Поэтому, – шутил он, – помните, что даже сейчас ваши враги и конкуренты жадно листают книги. И никогда не говорите о том, что у вас нет времени. Времени у вас ровно столько же, сколько его было у Леонардо да Винчи, Микеланджело, Томаса Джефферсона, Пастера и Альберта Эйнштейна.

Сегодняшняя лекция была посвящена тому периоду в истории человечества, которую впоследствии назвали Возрождением и гению той эпохи – Леонардо да Винчи.

– В «Жизнеописании наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари говорил о ста пятидесяти художниках. Небывалое цветение талантов и гениев, подобное тому, какое было в древней Греции. Нет ни одного из них, у кого бы не было своей особой индивидуальности и прелести. Легко можно было насчитать там порядка двадцати школ и дюжину величайших мастеров, таких как Джотто, Брунеллески, Донателло, Анжелико, Мантенья, Веронезе, Тициан и Тинторетто. Но над этой многоцветной толпой и сияющими корифеями возвышаются, словно полубоги, три сверхчеловеческих гения, которые излучают сверхъестественный свет. Ибо если другие заимствуют свой огонь из своей эпохи, то эти получают свой из непостижимых сфер и освещают его лучами самое отдаленное будущее. Их имена – Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль.

Они не похожи друг на друга, они не продолжают друг друга и черпают из разных источников. Они были соперниками, а подчас – врагами. И все же эти утонченные одиночки, которые глядят друг на друга и оценивают друг друга издали, образуют единое и гармоничное целое. Ибо в них воплощена разумная душа Возрождения. В них выражаются его самые глубинные стремления, самые тайные помыслы. Все трое желали смешения эллинского и христианского идеала, и это было их горячей и отважной мечтой. Но они пытались достичь этого различными путями.

Если искусство в своей высшей мощи становится эстетическим и духовным посвящением, Леонардо будет тогда волхвом, который ведет нас вместе с двумя архангелами Возрождения, несущими людям пробужденную Красоту, Силу и Любовь. С каждым из этих трех проводников Ад, Земля и Рай меняют облик, и все же это будет та же самая Вселенная. Ибо великим гениям свойственно лицезреть богов, которых не видит толпа, и показывать нам метаморфозы Природы и человека под их влиянием.

Сколько бы столетий ни отделяло нас от жизни и деятельности гениальных людей, – говорил Марко, – интерес к их личностям и творениям остается неизменным. Он продиктован желанием узнать как можно больше о том, как проявилось их могучее дарование, какие черты характера способствовали достижению ими столь значительных успехов в науке, технике, общественной мысли, литературе, искусстве и других областях человеческой деятельности.

Знакомство с жизнью и деятельностью гениев лишней раз убеждает в том, что единого рецепта гениальности не существует. Большинство великих людей считало, что своими открытиями и достижениями они обязаны прежде всего трудолюбию и прилежанию. Так, Томас Эдисон, наиболее плодовитый изобретатель 20 века, совершивший более 1000 открытий, утверждал, что «секрет гения – это работа, настойчивость и здравый смысл», а «успех – это 10% везения и 90% потения».

– А правда ли, что Эдисон не ходил в школу? – прервал его один из студентов, наиболее внимательно слушавший профессора.

– Хорошо, – улыбнулся Марко, – раз уж вы задали такой вопрос, давайте сделаем небольшой экскурс в его биографию. Тем более, что это в какой-то мере соответствует теме сегодняшней лекции. Так вот, говорят, что однажды юный Томас Эдисон вернулся домой из школы и передал маме запечатанный конверт с письмом от своего учителя. Мама, после некоторой паузы, зачитала сыну письмо вслух, со слезами на глазах: «Ваш сын – гений. Наша школа слишком мала, и здесь нет учителей, способных его чему-то научить. Пожалуйста, учите его сами.» А через много лет после смерти матери, а Эдисон к тому времени уже был одним из величайших изобретателей века, он однажды пересматривал старые семейные архивы и наткнулся на то самое письмо от учителя. Он открыл его и прочитал: «С сожалением вынуждены сообщить, что Ваш сын – умственно отсталый. Мы не можем больше учить его в школе вместе со всеми. Поэтому рекомендуем Вам учить его самостоятельно дома». Эдисон прорыдал несколько часов. А потом записал в свой дневник: «Томас Алва Эдисон был умственно отсталым ребенком. Благодаря своей героической Матери он стал одним из величайших гениев своего века.»

В аудитории повисла тишина и было слышно, как тикают настенные часы за спиной профессора. Марко выдержал паузу и, спустя полминуты, продолжал:

– Был такой выдающийся российский физиолог Павлов, который уверял: «Ничего гениального, что мне приписывают, во мне нет. Гений – это высшая способность концентрировать внимание... Неотступно думать о предмете, уметь с этим ложиться и с ним же вставать! Только думай, только думай все время – и все трудное станет легким. Всякий на моем месте, поступая так же, стал бы гениальным». Но если бы все было так просто – мир состоял бы из одних гениев. А их по-прежнему рождаются единицы в столетие.

Совершенно иной была точка зрения немецкого философа Иммануила Канта. Он считал, что гениальность – это дар, который не может быть благоприобретенным и, потому, не зависит от обучения, воспитания и прилежания. И действительно, об Архимеде и Ньютоне, Леонардо да Винчи и Микеланджело, Бахе и Моцарте можно с уверенностью сказать, что они родились гениями. Надо понимать, что главной отличительной особенностью гениальной личности во все времена была способность видеть глубже и дальше других, отбирать из огромного числа фактов и явлений самые важные, создавая на этой основе стройную систему мироздания. Недаром, когда один из учеников Конфуция назвал его многоученым, философ возразил: «Нет, я всего лишь связываю все воедино, не более того». Так, в результате творческого переосмысления гением существующего мира, рождается нечто новое и небывалое. Говоря об этом гигантском труде, итальянский мыслитель Никколо Макиавелли подчеркивал, что «нет ничего более трудного, чем браться за новое, ничего более рискованного, чем направлять, или более неопределенного, чем возглавить создание нового порядка вещей».

Сосредоточиваясь на решении глобальных проблем, увлеченные творчеством гении нередко живут в своем, особом, далеком от окружающих, мире. Вот почему их биографии зачастую изобилуют фактами, свидетельствующими о присущих им в обыденной жизни непрактичности, рассеянности, исключительной чувствительности и невосприимчивости самых простых вещей. Отсюда так много легенд, окружающих каждую гениальную личность, и попытки психологов, начиная с 17 века, провести параллель между гениальностью и помешательством. Кстати, одним из аргументов, используемых ими, служили высказывания... самих гениев, в частности, слова Аристотеля о том, что «не было еще ни одного великого ума без примеси безумия». Современная психологическая наука убедительно опровергла такого рода теории. Но какими бы ни были результаты влияния гениальных личностей, все они так или иначе изменяли мир, в котором мы живем.

Леонардо да Винчи был из числа этих гигантов – гениев, которые пролагают дорогу в будущее для всего человечества. Он жил в то время, – продолжал Марко лекцию, – когда человечество знало об окружающем его мире до обидного мало. Несколько веков отделяло тот период от развития туризма и мало кому тогда могло прийти в голову путешествовать из одной лишь любознательности, ведь такие путешествия были крайне рискованным делом, а зачастую и смертельно опасным занятием в связи с отсутствием соответствующего транспорта, а также по причине того, что иноземца, в первую очередь для своей собственной же безопасности, следует сначала ликвидировать, а уже потом можно и поинтересоваться, кем он был и что он делал в чужих краях. Только купцы, будучи храбрецами и коммерсантами по натуре, в погоне за маячившей солидной выгодой отваживались на дальние странствия. Даже на серьезных географических картах тех времен часто можно было видеть надписи «Здесь живут люди с длинными ушами» или «Страна Обезьян». Некоторые же места на картах и вовсе были девственно пустыми – вплоть до 19 века! Америку только что открыли, но попасть туда в то время было вовсе не легче, чем в наши дни улететь на Луну. Но, несмотря на кажущуюся темноту, посреди загаженных площадей Европы, над узкими кривыми улочками, куда сливались нечистоты из окон жилищ, уже вздымались величественные соборы. Что касается наук, они только зарождались, и на ученого смотрели как на экзотическую диковинку. Любопытный стремившийся к познанию образованный человек занимался всем сразу – от математики до алхимии, и от астрологии до специалиста по гаданию на хрустальном шаре.

Но в памяти человеческой остались не загаженные улочки и мракобесие того времени, а свершения: мозаики и великолепные статуи, картины и книги, диковинные механизмы и взрывающие мозг научные открытия. Леонардо да Винчи, будучи человеком универсальным, мог браться за множество дел, и все удавалось ему настолько, что поражало умы современников. Он создал загадочную Джоконду, и другие не менее потрясающие картины, как инженер он создал военные машины, занимался гидротехникой, разрабатывал летательные аппараты, первым в мире разработал идею парашюта и вертолета.

– Может он был пришельцем из других миров? – студент с задней парты прервал лекцию.

– Леонардо да Винчи, скорее, застрял в промежутке между веками из-за поломки машины времени, – вполне серьезно проговорила симпатичная студентка слева от Марко.

– Нет, – покачал головой Марко, – все эти многочисленные версии созданы теми, кто не в состоянии понять, на что способен человеческий ум, когда он принадлежит великому человеку, одержимому творчеством и идеей, и какой бешеной работоспособностью и энергией такие люди могут загораться ради достижения своей вроде бы недостижимой цели! –

глаза Марко пылали огнем, – пол-тысячи лет назад люди, хотя бы частично сравнимые с уровнем Леонардо, имели достаточно дерзости, чтобы всерьез познать секреты нашего необъятного мира. Они чувствовали в себе силы и это давало им смелости браться решительно за любое дело – от сотворения соборов и написания великих картин, до создания катапульты, танка, и водолазных костюмов. Перед их успехами и открытиями нам следуем почтительно склонить голову, – закончил лекцию Марко, подкрепив свою пламенную убежденность цicerоновским красноречием.

Ближе к вечеру, вернувшись домой и поставив разогревать только что купленную пиццу в микроволновую печь, Марко сменил свой университетский костюм на свитер и джинсы, бережно поместив костюм в стенной шкаф. Тщательно помыв и высушив руки, он вышел на кухню. Печь пару минут назад уже просвистела готовность ужина и Марко налил себе бокал сухого красного вина Кьянти, сделав первый маленький глоток.

– Ах, этот божественный Кьянти! – смаковал Марко в одиночестве. – Ведь когда-то это было обыкновенное дешевое вино в соломенной корзинке, а сейчас оно стало просто феноменальным по популярности напитком, совершив революцию в производстве вин во всей Италии. Именно благодаря этому вину из винограда сорта санджовезе – тосканского культа и гордости – в мире появился интерес и к другим итальянским винам.

– Пусть все знают, что в Тоскане делают самые высококачественные вина, – это он произнес с пафосом истинного патриота, и, как ему послышалось, вслух.

Как обычно, по вечерам он включал телевизор, который, казалось, мог показывать только круглосуточный новостной телеканал итальянской государственной телерадиовещательной корпорации Rai News 24. Каждые 30 минут на канале шел обзор последних новостей, за которыми следовала далеко не всегда нужная и не всем полезная всячина, как обзор трафика на дорогах, погода, аналитика, специальные репортажи и тематические рубрики.

Вот и сейчас, например, сообщалось, что в сегодняшней Флоренции накопилось множество внутренних проблем, и некоторые из них, в частности, вопрос с потоками мигрантов, нахлынувших в Европу в поисках *dolce vita*, создавали головную боль правительству, являясь труднорешаемыми. Сегодня днем, говорилось в репортаже, у здания префектуры произошло столкновение группы сомалийских беженцев со стражами порядка. Около 50-ти мигрантов требовали от местных властей разрешить проблему с жильем, возникшую после того, как в минувший четверг сгорело здание бывшей фабрики, в котором они размещались. Тогда погиб один человек. Несколько участников протеста попытались проникнуть в префектуру, однако путь им преградила полиция.

Во второй части того же репортажа говорилось о том, что другая, более предприимчивая часть мигрантов из все той же нахлынувшей волны беженцев в регионе, пытаясь как-то наладить жизнь в чужой стране, стала создавать собственный малый бизнес. В основном, это были пункты продажи кебабов и шаурмы. К сожалению, выпускаемая ими продукция была крайне далека от гигиенических норм, что приводило к повторяющимся случаям отравления местного населения, как правило молодых людей и студенческой молодежи, а также туристов-зевак. Реакция властей не заставила себя ждать; город вводил жесткие меры санитарного контроля, закрывая одну торговую точку за другой. Власти также запретили владельцам ресторанов и кафе, расположенных в центре Флоренции и исторических кварталах, иметь в меню менее 70% местных блюд. Местные власти справедливо считают, что в городе, который явля-

ется мировым объектом исторического наследия, такие действия непозволительны. Флоренция, по их мнению, должна сохранить традиции и свою кухню.

Телевизор работал, продолжая свою зомбирующую деятельность, но для Марко он зачастую просто создавал звуковой фон для другой активности. Он давно уже научился улавливать только нужную ему информацию, не подпуская к своим органам чувств всё лишнее, что засоряло мозг и отнимало драгоценное время.

Пицца, которой он собирался сейчас поужинать, называлась то ли «Четыре сыра», то ли «Четыре сезона», Марко так и не научился разбираться в многообразных разновидностях пиццы. Хотя, разве это важно, коли она выглядит так аппетитно? В начинке ее успешно сочетались четыре традиционных вида сыра: Рикотта, Моцарелла, Горгонзола и Пармезан; и разделена она была на четыре сектора, каждый из которых означал одно время года. Весна: артишоки и оливки. Лето: цветной перец. Осень: сыр Моцарелла и спелые томаты. И Зима: отварные яйца и грибы.

Пицца была свежей, сочной и незаметно растаяла во рту. Удивившись тому, как быстро он с ней разделался, Марко стал по обыкновению работать над конспектами для завтрашних лекций, по расписанию их у него было несколько. «Надо бы пораньше уснуть сегодня», – сказал он самому себе.

Закончив с бумагами, он пробежался глазами по утренней прессе, и, наконец, вспомнил о письмах, что вручил ему сегодня почтальон. Первое было от Дэвида, старого друга – одноклассника, приглашавшего его в Рим на свою свадьбу. «И ты, Брут», – усмехнулся Марко, зная, что Дэвид сейчас назвал бы его «последним из Могикан», поскольку, по сведениям Марко, он сегодня был единственным из всего их класса, кто еще не обзавелся собственной семьей.

Он бережно вложил письмо обратно в конверт и взял второе. И оно вызвало у него неподдельный интерес. Приглашение на Конференцию в Лондон! И по тематике, которая занимала не только солидную, а скорее главнейшую, часть его научной деятельности, но и пробуждала в нем неугасаемый личный интерес к одной из несомненно самых загадочных личностей в истории человечества!

Итак, что же они пишут. Марко быстро пробежался глазами по листу бумаги сверху вниз. Закончив, он тут же начал читать сначала, словно заучивая тему.

*Кому: Д-ру Марко Тоскано,
Профессору Искусствоведения, Университет Флоренции*

Уважаемый господин Тоскано,

Международный Фонд Исторических Исследований любезно приглашает Вас принять участие в Международной Научной Конференции по теме:

«Леонардо да Винчи и его наследие».

Руководство Фонда было бы крайне признательно Вам, если бы Вы согласились выступить с Докладом в соответствии с темой Конференции.

Место проведения конференции: Музей Виктории и Альберта, Кромвель Роуд, Найтсбридж, Лондон, SW7 2RL, Соединенное Королевство

Дата проведения Конференции: 2 мая 2019 года.

Начало: 10:00.

Официальный язык конференции: английский.

Прием материалов (не позднее): до 15 апреля 2019 г.

Рассылка печатных сборников авторам: до 28 апреля 2019 г.

Все материалы конференции размещаются в электронном виде на вебсайте Фонда.

Размещение электронной версии сборника: до 22 апреля 2019 г.

Материалы Конференции будут разосланы в:

*Британскую библиотеку

*Библиотеку университета Кембридж

*Библиотеку Бодли, Оксфорд

*Национальную библиотеку Шотландии, Эдинбург

*Национальную библиотеку Уэльса

*Библиотеку Тринити-колледж, Дублин.

Участники Конференции обеспечиваются бесплатным трехразовым питанием. Кофе, чай и прохладительные напитки предлагаются в перерывах.

Иногородним участникам будет предоставлено бесплатное проживание в отеле Hilton London Metropole и трансфер из отеля до места проведения Конференции и обратно.

Просим Вас подтвердить Ваше участие в Конференции.

С уважением,

Д-р Патрик Хорн, Директор

Международный Фонд Исторических Исследований

Прочитав письмо, Марко ощутил сильное эмоциональное волнение. Каждый раз, когда он слышал имя Великого Мастера, его охватывало подобное чувство. Но в этот раз оно было каким-то особенно сильным. Он услышал стук собственного сердца и почувствовал прилив крови к лицу и сухость во рту. «Надо успокоиться и заснуть как можно скорее», – подгонял себя Марко в поисках спасения от досадного дискомфорта. Дойдя до кровати, он лег, накрывшись легким одеялом. Но его сознание было перевозбуждено и, вместо спокойного сна, он получил не только волнительное продолжение, но и бурное развитие своих вечерних переживаний. Ему снилась... смерть. Смерть Леонардо да Винчи.

Глава 2

Ранним утром, 2 мая 1519 года, в замке Кло на Луаре, на расстоянии получасовой ходьбы от города Амбуаз во Франции, так далеко от родной Италии, будучи окруженным своими шедеврами, доживал отведенные ему последние часы живописец Его Величества короля Франции, флорентиец Леонардо да Винчи. Четыре года Великий Мастер жил под покровительством французского монарха Франциска I, успев доработать ряд своих старых изобретений и разработать новые, в том числе и проект идеального дворца в идеальном двухуровневом городе под названием Маленький Рим.

Королевский двор оказывал величайшее внимание великому итальянцу. Король Франции по достоинству оценил многогранность натуры Леонардо и просил художника лишь о возможности беседовать с ним и наслаждаться его обществом. Король и весь двор подражали ему во всем, и, для того чтобы понравиться Мастеру, они даже стали употреблять итальянские слова и выражения в своих беседах. Именно во Франции Мастер забыл, что такое нужда, получив статус первого художника, архитектора и инженера короля. Франциск I платил ему жалование в 700 экю каждый год, содержал штат его прислуги, оплачивал бытовые нужды и покупал работы художника.

Но на третьем году жизни во Франции 67-летний Леонардо слег, теперь он мог с трудом передвигаться без посторонней помощи. 23 апреля 1519 года, в субботу, когда маэстро уже почти не вставал с постели, был приглашен нотариус. Мастер сообщил ему свою последнюю волю, в которой писал:

«В благодарность за услуги и расположение, завещатель дарует мессеру Франческо Мельци все и каждую из книг, которые находятся в его, завещателя, собственности, и другие принадлежности и рисунки, относящиеся к его искусству и занятиям в качестве художника, а также научные приборы, машины, рукописи и остаток жалованья, который должен был получить из королевской казны. Слуге Баттисте Вилланису – домашнюю утварь в замке Кло, а виноградник за стенами Милана – бывшему ученику Салаи».

Он также не обделил в завещании своих братьев по отцу, причинивших ему много волнений длительной тяжбой из-за наследства отца сэра Пьеро да Винчи:

«Завещатель повелевает и хочет, чтобы сумма в 400 флоринов была отдана его кровным братьям в знак совершенного примирения вместе с прибылью и доходами, которые могли прибавиться к означенным 400 флоринов за время хранения». Своей старой служанке, стряпуче Матурине, он оставлял «платье доброго черного сукна, подбитый мехом головной убор, тоже суконный, и два дуката деньгами – за многолетнюю верную службу». Что касается обряда похорон, Леонардо просил нотариуса похоронить его в часовне церкви в Амбуазе, назначив Франческо Мельци своим душеприказчиком.

В комнате уже давно незримо гостила Смерть, жажда неотвратимого исхода и не отводя своего пристального взора от умирающего, который лежит сейчас беззащитным перед ликом вечности, а его левая рука подпирает голову, покрытую длинными седыми локонами, красиво обрамляющими его благородный лик. Утром, когда поднялось хмурое солнце и горизонт засветился кроваво-ярким заревом, началась агония. Стояла мертвая тишина, не считая грустного пения птиц за окном, и казалось, что сама природа скорбит по покидающему мир гению. Рядом

с ложем Леонардо сидел самый преданный из его учеников, Франческо Мельци, держа в своих руках парализованную правую руку Великого Мастера. Глаза его были наполнены слезами, но чувство примирения с безысходностью отрезвляло его и придавало сил для того, чтобы принять Смерть Гения во всё её печальном величии.

Невдалеке сидели два монаха – францисканец и доминиканец. Приглашены они были для исполнения своих традиционных обязанностей, которые заключались в том, чтобы неотлучно находиться у ложа умирающего с целью облегчить путешествие его души из этого мира в потусторонний. Устав от безделья и зевоты, они затеяли свой извечный спор:

– Не находишь ли ты здесь, брат мой, аналогии со смертью основателя нашего ордена, святого Франсиска Ассизского? – спросил он доминиканского монаха, наклонившись к его засаленному уху. – Помнится мне из Писания, что его преподобие был отпет певчими жаворонками еще до церковного отпевания. Вот и сейчас голоса птиц, предчувствуя скорую кончину мастера.

– Брат мой, – прошипел доминиканец, нахмутив брови и наклонившись к собеседнику. – Хочу напомнить тебе, что странное поведение и вольные взгляды Леонардо входят в противоречие с Откровением и разъяснениями отцов церкви. Он водит левой рукой, переворачивая вверх тормашками буквы, и справа налево как иудеи, что наилучшим способом скрывает его ересь. К тому же, его непомерная гордыня уводит колеблющуюся душу на окольные тропы, где она спотыкается и странно блуждает, тогда как путь отчетливо указан.

– Да уж, брат, – ответил ему францисканец, – ты прав как всегда. Недаром же ваши монахи называют себя псами господними и имеют эмблемой бегущую собаку, у которой в зубах факел, помогающий и в темноте распознать отступления от истинной веры. Но хотел бы напомнить тебе, что умирающий – не простой человек. Он – всеми признанный Гений!

– Мы все равны перед Господом. Но могу отметить одно: родиться гением легко, умереть же гораздо сложнее.

Так они продолжали свою бесконечную полемику – один был более благосклонен к умирающему, другой же – рьяно призывал осудить и наказать вероотступничество. Тем временем на мгновение прекратилась судорожная агония, Леонардо сделал глубокий вдох и открыл глаза. Он поднялся и попытался сесть в постели, с трудом преодолевая свою беспомощность.

– Франческо, друг мой, – произнес он, – я хочу, чтобы ты знал – мне спокойно с тобой! Все подходит к своему концу, и не долог тот час, когда моя душа покинет тело и, невидимо для других людей, оставаясь на земле, станет посещать те места, где прошла моя земная жизнь. Я осознаю, что потеряю свое тело, оно больше никогда не будет существовать. Моя душа начнет свои мытарства и скитания. Я должен дать себе, прежде всего себе самому, отчет обо всем, что происходило в моей жизни, даже о том, что я не замечал или не считал важным. Прожитая мною жизнь предстает передо мной и самые мелкие детали в ней укрупнены: невыполненные обязательства, обиды, незавершенные дела. Я многое не успел. Всё, что я сделал и забыл, или постарался забыть, всё, что я мог сделать, но не сделал – всё это сейчас перед моими глазами в самых неприглядных деталях. Нет уже голоса, нет слез, нет рук, чтобы закрыть лицо, нет ног, чтобы упасть на колени. Всё, что от меня осталось – это комок боли и стыда. И это состояние будет длиться вечно, потому что понятия времени уже для меня не существует. Мы отвечаем за все деяния в нашей жизни! Дальше ты пойдешь один, Франческо. А я останусь и буду

ждать тебя. Помни, что только у истоков решаются судьбы рек и людей. И теперь, стоя на краю пропасти, я готов сделать следующий шаг. Я предвкушаю свое будущее путешествие. Тайный и непознанный доселе мир ждет меня. В этом же я был лишь гостем, и принимаю в дар то, что явлено моим глазам. Жизнь – это тайна. Смерть – это тайна. Красота – это тайна. И любовь – это тайна. Я был приобщен к миру через тайну и сейчас ухожу легко, без страха, потому что меня любили. И я любил. Цени каждое мгновение своей жизни, Франческо, и верь в то, что делает нас бессмертными. Это есть любовь, которая движет нами и определяет нашу судьбу. Я жил ради любви, пел, музицировал, писал ради любви и вот сейчас я умираю ради любви.

Предчувствуя приход смерти, он попросил Франческо Мельци позвать священника. Все удалились, когда в комнату вошел священнослужитель со Святыми Дарами. Вскоре, выйдя от умирающего, он сообщил присутствующим, что Леонардо исполнил обряды Церкви со смирением и преданностью воле Божьей, исповедавшись и искренне прося прощения у Бога и людей за то, что «не сделал для искусства всего, что мог и должен был сделать».

Доминиканец, уловив последнюю фразу, с удовлетворенной улыбкой на лоснящемся лице, кивнул головой – ни для кого не было секретом, что Леонардо при жизни не отличался набожностью и придерживался вовсе не монашеского образа жизни. Однако, он, этот строгий блюститель церковных канонов, особое внимание уделил тому, что Леонардо в своей исповеди все-таки не каялся в содеянных грехах, а вновь, как и всегда, говорил об одном лишь искусстве.

– Что бы люди ни говорили о нем, сын мой, – провозгласил священник, обратившись как бы к Франческо, но уставившись на доминиканского монаха, – он оправдается, по слову Господа: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

Приняв причастие, Леонардо, взяв руку своего друга Франческо, с трудом прошептал последние слова: «Как хорошо проведенный день приносит счастливый сон, так плодотворно прожитая жизнь доставляет удовлетворение. Я чувствую себя как вода в реке. Меня уносит течение смерти...».

Зловещая ночь принесла с собой приступы удушья. Мельци боялся, что он умрет на его руках. Сколь ужасно это равенство перед страшной смертью, поражающей Гения наравне с ничтожеством, когда стерта грань между драгоценной жизнью и бесполезной! К утру 24 апреля, на Светлое Христово Воскресенье, Мастеру, казалось, стало легче. Но, так как он все еще задыхался, а в комнате было жарко, Франческо открыл окно.

В голубом небе летали белые голуби, и с шелестом их крыльев сливался звон пасхальных колоколов. Умирающий уже не видел и не слышал ничего. Ему грезились каменные глыбы, которые, падая, хотели задавить его; вот он хочет приподняться, сбросить их, но не может – и казалось, нескончаемая борьба эта не имеет конца. И вдруг, с последним усилием, он освобождается и летит на исполинских крыльях вверх – впервые в своей жизни ощущая на себе это удивительное чувство бесконечного полета вверх. Ему казалось, что сейчас он испытывает наивысшее наслаждение от воплощения самой главной своей мечты, мечты всей его жизни!

Сердце Леонардо билось еще несколько дней, хотя он не приходил в себя. Наконец, утром 2 мая, Франческо заметил, что грудь его больше не поднимается от каждого вдоха, а дыхание его слабеет. В нем еще тлела жизнь, но она тонкой свечой стремительно догорала на глазах. Монах стал читать отходную молитву. Через некоторое время ученик, приложив руку к сердцу учителя, понял, что оно уже не бьется. Смерть не делает различий ни для кого! Душа Мастера

отлетела, словно показывая пример немощному телу, которое всю свою жизнь безуспешно пыталось научиться летать.

Франческо, с обильными слезами, закрыл ему глаза, затем бросился к кухарке Матурине со словами:

«Это Салаи... Салаи погубил его!».

Та, утешая, обняла его и похлопала по спине, закрыв затем руками заплаканное свое лицо. Лицо умершего не изменилось, храня на себе выражение, которое часто бывало при жизни – глубокого и тихого внимания.

За темно-красным бархатным занавесом его комнаты засияло раннее майское солнце. Свет и тепло заливали зелёные поляны и свежую листву платанов парка, пели птицы и цвели цветы, – он так и не смог разгадать тайны той необъяснимой радости, которую они дарят людям. Дубовые доски пола его спальни казались сейчас золотыми от солнца, и из окна было видно, как весело развеваются в небе узкие флажки над башнями замка. Радостная волна вечного обновления медленно разливалась по земле, и была высшая несправедливость в этом финале великой драмы его жизни, который разыгрывался на постели, так похожей сейчас на маленькую сцену.

В это время, снизу, из мастерской, где проводил свои дни Леонардо, прикормленный им хлебными крошками воробушек влетел в комнату, где лежал покойник. Покружившись над ним, среди погребальных свечей, горевших мутным пламенем в становившемся мощным сиянии солнечного утра, серая птичка опустила по старой привычке на сложенные руки Леонардо. Потом вдруг встрепенулась, взвилась, взлетела до потолка и через открытое окно улетела в небо, с веселым чириканьем. И Франческо подумал, что в последний раз учитель сделал то, что так любил – отпустил на волю крылатую пленницу. Он вдруг вспомнил сказку, которую как-то рассказывал ему маэстро Леонардо. Сказку о завещании Орла.

Старый орел, что давно потерял счет годам, жил в гордом одиночестве среди неприступных скал. Но силы ему стали изменять, и он почувствовал, что конец его близок. Мощным призывным клекотом орел созвал своих сыновей, живших на склонах соседних гор. Когда все были в сборе, он оглядел каждого и молвил:

— Все вы вскормлены, возвращены мной и с малых лет приучены смело смотреть солнцу в глаза. Вот отчего вы по праву летаете выше всех остальных птиц. И горе тому, кто посмеет приблизиться к вашему гнезду! Все живое трепещет перед вами. Но будьте великодушны и не чините зла слабым и беззащитным. Не забывайте старую добрую истину: бояться себя заставивши, а уважать не принудивши.

Молодые орлы с почтением внимали речам родителя.

— Дни мои сочтены, – продолжал тот. – Но в гнезде я не хочу умирать. Нет! В последний раз устремлюсь в заоблачную высь, куда смогут поднять меня крылья. Я полечу навстречу солнцу, чтобы в его лучах сжечь старые перья, и тотчас рухну в морскую пучину...

При этих словах воцарилась такая тишина, что даже горное эхо не осмелилось ее нарушить.

— Но знайте! — сказал отец сыновьям напоследок. — В этот самый миг должно свершиться чудо: из воды я вновь выйду молодым и сильным, чтобы прожить новую жизнь. И вас ждет та же участь. Таков наш орлиный жребий!

И вот, расправив крылья, старый орел поднялся в свой последний полет. Гордый и величавый, он сделал прощальный круг над скалой, где взрастил многочисленное потомство и прожил долгие годы.

Храня глубокое молчание, его сыновья наблюдали, как орел смело устремился навстречу солнцу...

Навстречу солнцу! — эхом отозвалось в голове у Франческо, и в этот момент он услышал лошадиное ржание и топот копыт — это король Франциск и рыцари из его свиты поспешно погоняли коней, надеясь застать в живых умирающего. Всадники приблизились к замку, когда солнце уже было в самом зените. Увы, их старание не опоздать было тщетным. Переступив порог, король более не сдерживал слез. Стуча высокими каблуками, он быстро подошел к постели, опустил на колено, приподнял голову покойного, которого он почитал как родного отца, и, убедившись в его кончине, припал к мертвой руке, а тело его сотрясало от рыдания.

В присутствии Его Величества короля Франции монахи наконец-то прекратили обсуждение своих вечных вопросов, неуместных возле покойника, найдя сейчас занятие поинтереснее; они внимательно наблюдали за плачущим над телом Леонардо королем. Видимо, только смерть могла положить конец их вечной полемике об истине.

Верная служанка Матурина и ее помощница, приглашенная из близлежащей деревеньки по причине ее опытности в этих вопросах, стали обмывать тело, причем вторая не скрывала своего удивления гладкой кожей и хорошо развитым мышцам старца, хотя его худоба и тощие конечности долгое время оставались обездвижены из-за паралича. Поистине, какой же жестокой может быть смерть, которая, ликуя, сейчас демонстрировала свое доминирующее верховенство над жизнью!

Согласно последней воле Мастера, его тело пролежало еще три дня в той же комнате, где он проиграл свою последнюю битву с природой. Франческо Мельци сделал все для устройства таких похорон, чтобы ни у кого не возникло сомнения в том, что Леонардо умер как верный прихожанин католической церкви, хотя народная молва продолжала обсуждать жизнь и последовавшую за ней смерть Мастера так же, как два монаха возле покойного.

Тело Леонардо обрело вечный покой в монастыре Сен-Флорентен. На кладбище за его телом шли, неся шестьдесят свечей, шестьдесят нищих, которым он завещал милостыню. В четырех церквах Амбуаза отслужили три большие и тридцать малых обеден, семьдесят туренских су были розданы нищим и калекам при городской больнице Сен-Лазар. На его могильном камне была сделана надпись: «В стенах этого монастыря покоится прах Леонардо из Винчи, величайшего художника, инженера и зодчего Французского королевства»...

Спустя месяц, немного оправившись от отчаяния, Франческо Мельци писал во Флоренцию, сообщая о смерти учителя его братьям по отцу:

«Сер Джулиано и братьям, с почтением. Я полагаю, вы получили известие о смерти мессера Леонардо да Винчи, вашего брата. Горя, причиненного мне смертью того, кто был для меня больше, чем отец, выразить я не могу. Но, пока жив, буду скорбеть о нем, потому что он любил меня великой и нежной любовью. Да и всякий, полагаю, должен скорбеть об утрате такого человека, ибо другого подобного природа не может создать. Ныне, всемогущий Боже, даруй ему вечный покой».

Мельци долго пребывал в состоянии горя, едва не убившего его. Он стал владельцем большого количества количества томов с рисунками и записями учителя. Он взял их домой, в Милан, и бережно хранил как священные реликвии, пытаясь из этого бесчисленного и неупорядоченного собрания бумаг составить хотя бы одну книгу – «Трактат о живописи», – над которым Леонардо работал последние двадцать пять лет своей жизни и который так и не закончил. К сожалению для будущих поколений, Мельци не оставил воспоминаний о Леонардо, и не сделал никаких комментариев к его трудам, хотя они надежно хранились в его руках полвека. Умирая, он завещал их своему приемному сыну Орацио, будучи убежденным, что тот будет обращаться с ними так же бережно.

Увы, спустя некоторое время Орацио распорядился поднять на чердак старые рукописи, «принадлежащие некоему Леонардо, умершему пятьдесят лет назад». Это и было началом безжалостного расточительства наследия Леонардо. Часть их была раскрадена, другую часть Орацио отдал скульптору Помпео Леони, который обещал передать манускрипты королю Испании, а многое просто не сохранилось, будучи уничтоженным за ненужностью или непониманием их значимости по причине полнейшего невежества вандалов, через чьи руки, по какому-то злому умыслу, прошли рукописи Гения. Ведь невежество – это упрямый отказ от познания. Невежество ненавидит всё, что недоступно для понимания. И оно напрочь отрицает всё, что требует напряжения, усилия мысли или изменения точки зрения.

Несмотря на такие варварские растраты, до наших дней дошло несколько тысяч рукописных страниц Леонардо. Четырнадцать рукописей попали в Амброзианскую библиотеку в Милане, тринадцать по приказу Наполеона Бонапарта были увезены во Францию – в их числе «Атлантический кодекс», позднее вернувшийся в Милан. Многие другие рукописи из собрания, после злоключений и блужданий по свету, нашли убежище в Виндзорской королевской библиотеке, Британском музее, Библиотеке наук и искусств Восточного Кингстона, библиотеке Холкан холл лорда Лестера. Самая объемистая – «Атлантический кодекс» – состоит из 1222 переплетенных вместе страниц, перемешанных без всякой системы, под влиянием минутных увлечений, и в соответствии с настроением их автора. На одних и тех же страницах можно увидеть математические вычисления, различные эскизы, геометрические задачи, хозяйственные счета, изображение дыхательной системы человека, морские приливы и отливы, представления о работе глаза, об испарении воды с поверхности Средиземного моря, о природе града, какие-то чертежи, формулы и многое другое, до сих пор не полностью понятое ученым миром. Но единственное, что здесь можно видеть совершенно отчетливо, так это бескрайний горизонт полета мысли Леонардо, его неутолимая жажда все постичь и подвергнуть анализу.

...Вновь послышался колокольный звон, тот самый, что по приказу короля Франции сопровождал похоронную процессию. Своей завораживающей силой, невероятной мощью и благодатной красотой, он духовно возвышал, объединял и лечил души скорбящих по навсегда покинувшему их Гению.

Глава 3

Колокола не переставали звонить, разбудив Марко утром следующего дня. Он не сразу смог понять, что это был звук будильника, электронный циферблат которого показывал 7.30 утра. Что это было? Ночные видения были настолько реалистичны! Его ломило и он чувствовал разбитость и сильную вялость, овладевшую его телом. С трудом оторвав голову от подушки, он вылез из под одеяла и медленно побрел на кухню.

Выпив стакан воды натошак, Марко тщательно почистил зубы и умылся. Он не смог изменить устоявшейся с годами привычке выпить чашечку кофе, будучи все это время погруженным в свои раздумья. Вчера вечером синоптики обещали осадки, и, как ни странно, они не ошиблись. За окном действительно было хмуро. Марко, одевшись по погоде, повязал на шею подарок мамы на День Ангела – легкий серый шарф популярной итальянской марки Trapani, сочетающий тончайшую нежную шерсть молодого ягненка и шелка.

Ему, итальянцу, был свойственен тонкий эстетизм и врожденное чувство вкуса. Он надел кожаные перчатки и взял подмышку своего преданного спутника – зонт, сопровождавшего его почти повсюду. Его черный зонт-трость, с которым он подружился еще во время учебы на Туманном Альбионе, был как новый и имел солидный, представительный вид, служа своему хозяину без единой поломки в течение вот же почти девяти лет – он поистине стал неотъемлемой частью его гардероба, не подводя своего хозяина ни во время непогоды, ни в жаркую солнечную погоду. Захватив портфель с конспектами, и взглянув на наручные часы – было 8.30 утра, профессор вышел из дома. В специальном шкафчике у входа в дом не было газет.

«Похоже, Джерпонино еще не приходил», – подумал он о почтальоне, «хотя разве он приходит так рано?» – Марко тут же упрекнул себя в рассеянности. Раскрыв зонт над головой, он направился своим обычным маршрутом в сторону Университета.

На ещё вчера безмятежном и спокойном небе сейчас кружились хмурые, угрюмые, свинцово-серые тучи, задавившие слабое утреннее солнце своей тяжестью. Светило, как будто растерявшись, почти совсем скрылось за их неповоротливыми боками... Сверкнула молния, а через несколько секунд невдалеке пророкотал гром, подтверждая своим глухим ворчанием, что вот-вот на землю обрушится ливень. Марко съежился от холода и поправил свой шарф, пытаясь инстинктивно спрятаться от неотвратимо надвигавшейся, первой в этом году, грозы. Зато деревья, цветы и трава начали радостно трепетать, разворачиваясь в ставшем сразу прохладным воздухе и радуясь влаге... капли дождя падали на землю, будучи без следа поглощёнными землёй. Следом за ними летели другие, более крупные и сильные капли, их становилось всё больше, они сталкивались боками, суетились, теснились и толкались. И вот они уже сливаются в сплошные потоки и дождь расходится, уже льёт, как из ведра. Весна уже полностью захватила власть в свои руки. Всё дышит новизной и свежестью, хотя как-то тяжело, тягостно и отчего-то вовсе не радостно было на душе. Успокаивало лишь то, что когда закончится дождь, на деревьях начнут лопаться почки, а в воздухе запорхают бабочки и появится радуга – первая весенняя радуга.

Дождь все усиливался, превращаясь в ливень, и Марко, поняв, что сегодняшнее раннее утро – не самое лучшее время для пешей прогулки, остановил проезжавшее мимо свободное такси. Водитель-частник, настоящий мигрант с Востока, не мешкая, назвал стоимость проезда, явно пытаясь заработать по максимуму на первом клиенте. В пути он непрерывно что-то гово-

рил, все время артистично жестикулируя в помощь своему плохому итальянскому, и Марко, на минуту обратив на него внимание, понял, тот жаловался на то, что правительство пытается вмешиваться в их дела, вводя лицензирование водителей и повышая тарифные сетки на услуги такси.

Проезжая по набережной реки Арно, Марко, чтобы отвлечься от назойливой болтовни таксиста, закрыл глаза и погрузился в сонную дремоту, ощутив вскоре, как приятно разлива-ется тепло по всему его телу. В какой-то миг с ним произошло нечто необъяснимое и ужасное – страшный скрежет, рывок, и удар словно молотком по голове. Сильная боль. И то ли полет вниз, то ли провал в бездну.

* * *

Спустя всего пять минут итальянский новостной канал TgCom 24 первым сообщил, что на набережной реки Арно, совсем недалеко от знаменитого моста Понте Веккьо и Понте алле Грацие, треснул асфальт. В яму длиной около 200 метров и шириной 7 метров провалились два десятка припаркованных автомобиля. Еще два автомобиля с пассажирами столкнулись с наполовину провалившимися в бездну машинами.

Передавалось, что есть пострадавшие в авариях, и уже демонстрировались фотогра-фии изуродованных машин. Вскоре все остальные телеканалы стали наперебой вещать о том, что городские власти опасаются нового обрушения дорожного полотна. Правоохранительные органы сообщали в своих отчетах, что причиной провала асфальта мог стать дефект на инже-нерных сетях. На месте происшествия работали спецслужбы, которые отчаянно пытались лока-лизировать разрушения. К провалу также прибыли пожарные, четыре кареты скорой помощи, а дорожная полиция перекрыла движение по набережной. Затем появилась информация, что причиной всему, скорее всего, стали грунтовые воды. А представители мэрии поторопились сообщить о прорыве трубы городской водопроводной системы.

* * *

Через одно из самых живописных мест во Флоренции, площадь Сан-Пьер-Маджоре, мимо торговцев зеленью и фруктами и вечно снующих посетителей многочисленных окрест-ных магазинов, быстрым шагом, словно торопясь на важное свидание, шла высокая, строй-ная женщина с правильными чертами лица. Нельзя было не заметить ее красивую постановку стоп – носки ее туфель были немного развернуты в разные стороны, а пятки шли по одной прямой линии, что делало совершенно идеальной линию ее движения. Ее подбородок был под-нят и смотрел по направлению движения, а плечи были отведены назад и опущены вниз, что делало ее благородную осанку похожей на королевскую.

Пройдя под башней Донати, мимо пиццерии, она грациозно проскользнула в арку, где глаза ее столкнулись с парой нищих с собакой. В этой время здесь относительно безлюдно, но уже во второй половине дня здесь будут толпиться клиенты ресторана, винной лавки и сэнд-вич-бара, чудом уместившихся на этом крошечном пятчке. Пройдя сквозь арку и продолжив свой путь по улице Сант-Эджидио, она вышла к старейшей из ныне действующих больниц Флоренции Санта-Мария-Нуова с фасадом, заставленным бюстами всех последних Медичи. Её основал в конце 13-го века отец Дантовой Беатриче Фолько Портинари. Сама же идея бого-угодного заведения принадлежала женщине по имени Монна Тесса, которая служила гувер-нанткой при шести дочерях Фолько. Она стала душой нового госпиталя, полностью посвятив себя уходу за больными и руководствуясь заветами Святого Франциска Ассизского.

Многочисленные пожертвования зажиточных мирян позволяли госпиталю Санта-Мария-Нуова не только исправно функционировать, но и расширяться. Для его украше-

ния нанимали известных художников и архитекторов. Большинство фресок, которыми были покрыты коридоры больницы Санта-Мария-Нуова, отделили от родных стен и сейчас их выставляют в городских музеях. Портик же перед фасадом Санта-Мария-Нуова спроектировал Буонталенти, которому также принадлежит необычная лестница, ведущая к алтарю. У её подножия и похоронен отец-основатель больницы Фолько Портинари, который в Устав ее внес положение, требовавшее обращаться с каждым больным как с хозяином дома, чтобы «бедные больные, поступающие на излечение, находили здесь утешение и заботу, питание и уход, как если бы это был сам Христос, явившийся собственной персоной».

Филомене Тоскано, несмотря на свои солидные 68 лет, удалось сохранить красоту и привлекательность. Ее безупречный внешний вид и неувядающее стремление нравиться противоположному полу придавали ей молодость. Она была убеждена, что, вне зависимости от возраста, любая уважающая себя итальянка один раз в неделю должна посещать салон красоты. Причем, добавляла она, чем старше становится итальянка, тем более элегантной ей следует становиться. У нее были шикарные вьющиеся, всегда хорошо ухоженные волосы. Одевалась она со вкусом, пользовалась только хорошим парфюмом, дорогими украшениями и владела накопившимися с годами секретами правильного ношения палантинов и шарфов. Вот и сейчас на ней были чёрные туфли на средней высоты каблучке, коричневые классические прямые брюки, блузка пастельного цвета, поверх которого было надето легкое по сезону меховое манто. Ее шею обвивала нитка черного жемчуга, а безымянный палец левой руки украшало бриллиантовое кольцо.

– Senta! Я прошу разрешить мне увидеть сына, – настоятельно произнесла Филомена, пройдя в приемный покой нейрохирургического отделения больницы.

– Синьора Тоскано, как вам известно, ваш сын перенес тяжелую травму в связи с аварией на мосту, – пожилой доктор сквозь очки сочувственно посмотрел ей в глаза, – он помещен в реанимационный блок и находится сейчас в состоянии комы. Прошу вас понять, вход посетителям туда воспрещен.

– Chiedo scusa! Я не посетитель, я – мать, – голос Филомены дрожал от волнения. – Поставьте себя на мое место, доктор. Впрочем, разве в ваших зачерстевших сердцах остались хоть какие-нибудь крохи человеческой жалости и сострадания к чувствам матери? Я требую или, если хотите, умоляю вас, Dottore, пропустите меня к сыну. – Ее безграничная настойчивость вкупе с появившимися слезами на глазах возымели успех. Доктор, тяжело вздохнув, кивнул в знак согласия, предложив ей накинуть на себя белый халат, после чего они прошли в блок.

Марко, похоже, был погружен в глубокий сон. Рядом с его кроватью работал аппарат искусственной вентиляции легких, а большую часть его лица покрывал зонд с трубками. Бледность его кожи и отсутствие какой-либо реакции вызвал у матери приступ слабости и головокружения. Она оперлась на руку доктора Моретти, он же убедительным голосом просил ее успокоиться.

– Что с ним, Dottore?

– Ваш сын сейчас находится в состоянии угнетения сознания, связанного с травматическим повреждением головного мозга. Практически любая травма, синьора Тоскано, при известной интенсивности воздействия, приводит к так называемому гемодинамическому удару, когда ударная волна распространяется по внутричерепной жидкости. Хотя сама травма

не оказывает непосредственного воздействия на оболочки мозга, но нормальная работа нейронов все же нарушена, в результате чего отключаются некоторые функции коры головного мозга... – доктор продолжал что-то объяснять, используя непонятную ей медицинскую терминологию вроде аспирации и брадикардии. Филомена его больше не слышала, она была шокирована увиденным. Она бросилась к сыну, но дежурившая в блоке реанимационная сестра преградила ей путь.

– Прошу вас, не тревожьте его сейчас, синьора Тоскано.

– Что же теперь будет с моим сыном, Дотторе? Неужели он теперь будет инвалидом? – голос Филомены срывался.

– Пожалуйста, наберитесь терпения, синьора Филомена. Мы сделаем всё, чтобы поставить его на ноги... Не надо раньше времени отчаиваться... Ваш сын поправится и снова заживет полноценной жизнью...

– Но почему... почему он не приходит в себя?

– Поймите, нужно время... у него травма. Кстати, – доктор Моретти улыбнулся матери, – есть и хорошая новость для вас. Сын ваш, похоже, родился в рубашке. Мы провели магнитно-резонансную и компьютерную томографии, а также электроэнцефалографическое исследование. У вашего сына сохранены функции центральной нервной системы и, к счастью, не выявлено внутримозговых гематом. Таким образом, оперативного лечения в данном случае не потребуется. Мы можем надеяться на его полное выздоровление. Но для этого, я повторяю, потребуется время, – доктор развел руками, показывая этим жестом, что не пришло еще время для точных прогнозов.

– Я вас настоятельно прошу поехать сейчас домой, синьора Тоскано, – продолжал доктор. – Вы ничем не можете ему помочь. Ему нужен полный покой. Не переживайте, он находится под неусыпным контролем дежурного персонала. Приезжайте завтра, я передам в приемное отделение запрос на пропуск для вас в отделение.

Филомена, еле дождавшись утра, приехала в больницу. Ее пропуск был готов и ее сопроводили к сыну. Марко все еще был без сознания, напоминая глубоко спящего человека, и его кожные покровы были так же бледны как вчера. Дежурная сестра шепотом сообщила матери, что ночью у него была рвота. Позже подошел доктор Моретти. Осматривая пациента, он коснулся тыльной стороны его ступней и посветил ему фонариком в глаза, выразив затем сожаление, что ничего нового пока сказать не может.

– Мы стараемся улучшить кровоснабжение его мозга, вводим ему диуретики, ноотропы и сосудистые препараты. Мы также планируем начать антибактериальную терапию во избежание присоединения инфекции легких и мочевых путей. Поверьте, мы делаем все, что в наших возможностях. Если вы хотите остаться здесь, синьора Тоскано, то я бы настоятельно порекомендовал вам говорить с вашим сыном, можете также касаться его рук. Есть большая надежда, что у него появится реакция на внешние раздражители. – Доктор Моретти галантно изобразил поклон и поспешно покинул палату.

Филомена, оставшись наедине с сыном, присела на стул, находившийся рядом с больничной койкой. Она осторожно дотронулась кончиками своих красивых пальцев до руки сына,

обратив внимание на то, что она была теплая. Затем, с какой-то опаской прикоснувшись к его волосам, стала нежно гладить их, но, к ее сильнейшему огорчению, она не увидела каких-либо реакций на эти прикосновения. Помня о том, что доктор рекомендовал разговаривать с сыном, она промолвила тихим, дрожащим от сильного волнения голосом:

– Марко, это я, мама. Доброе утро, СЫН! – казалось, тревожная вибрация идет из самых глубин ее души. – Я знаю, ты слышишь меня, и мне надо о многом тебе сказать... Я виновата перед тобой, и вина эта висит на мне как неоплатный долг. Ты знаешь, конечно знаешь, что я уделяла тебе недостаточно времени в детстве. Я была с молодости поглощена интересной работой, которая меня завораживала, пьянила и одухотворяла. – Филомена вобрала в себя воздух и продолжила уже более смелым голосом. – Ведь еще с юности я дебютировала в различных фешн-кастингах и рекламных фотосессиях, вызывая неопиcуемый восторг у известных кутюрье, отзывавшихся обо мне как о необычайно артистичной модели с несомненным талантом позирования и тонким шармом. Поклонники следили за мной, некоторые даже сходили по мне с ума и караулили меня у дома. Мне приходилось заниматься спортом в фитнес-центре и умирать на пробежках, чтобы постоянно держать себя в нужной форме...

Повествуя о своей жизни, она не сводила глаз с Марко, надеясь, что он услышит ее. Но было очевидно, что ее единственными слушателями оставались гладкие немые стены. Она совершенно не понимала, о чем ей нужно говорить, но слова лились из нее ручьем, не давая ей осознать насколько уместны в данной ситуации те или иные ее воспоминания, окрашенные драмой или комедией.

– Помню, Марко, повстречала я в том центре одну полную экзальтированную даму балзаковского возраста. Она была очень говорлива и уже успела рассказать всем о своем страстном желании как можно скорее сбросить с себя этот назойливый лишний вес. Я была уверена, ей это было нужно для того, чтобы по-прежнему кому-то сильно нравиться. Так вот, она как-то спрашивает у подошедшего к ней фитнес-инструктора:

– Молодой человек, говорят, что для быстрого эффекта надо пить активированный уголь. Это правда? – на что тот, имея острый язык и не мешкая, ответил:

– Милочка, для того, чтобы быстро похудеть, уголь вам надо бы не пить, его надо разгружать где-нибудь там, на шахтах Сардинии! – Филомена сдержанно хмыкнула, ее веселые воспоминания показались ей сейчас уместными. После чего она неторопливо продолжила:

– У меня появлялся очередной рвотный рефлекс при виде ежеутренних хлопьев или той еды, которую я совсем не любила, а между печеньем и вареньем мне приходилось делать выбор в пользу стакана воды. Я максимально старалась следить за своей фигурой, но как только я отворачивалась или отвлекалась, она, моя фигура, начинала жадно что-то жевать, – Филомена вновь негромко засмеялась над очередной своей шуткой, закончив мысль избитой фразой, что «красота требует жертв»! Затем она вернулась к своему рассказу.

– Однажды утром я, как бы случайно, воскликнула вслух, что чувствую себя самым счастливым человеком на свете. На что Ортензия, твоя тетушка, тут же отреагировала, полюбопытствовав, не влюбилась ли я, наконец-то, в кого-нибудь по-настоящему? Я же ей ответила, что просто выпалась как следует. Вообще, я поняла одно правило: если на часах уже полночь, а тебе еще нужно вымыть голову, сделать эпиляцию ног и маникюр – всегда выбирай сон, потому что ноги можно спрятать, волосы скрыть под платком, а на руки надеть пер-

чатки. Но никто и ничто не замаскирует твое утомленное и мятое лицо и скверное настроение. Поэтому всегда выбирай сон!

Я становилась лауреатом всевозможных конкурсов и получала престижные призы. Все эти успехи кружили мне голову и я стремилась достичь только одного – стать итальянской топ-моделью с мировым именем.

Тут Филомена прервала свой эмоциональный монолог, наконец осознав, что она не на подиуме перед камерами. Она перевела дух и пристально посмотрела на сына. Грудь Марко ритмично вздымалась вверх и вниз. Казалось, он внимательно слушал ее рассказ.

– Мои усилия, – вдохновенно продолжила она чуть более сдержанным голосом, – принесли свои плоды и, наконец, я получила контракт на три рекламных показа продукции от ставившегося постепенно известным бренда итальянской одежды Armani, который вскоре стал символом престижности и респектабельности человека в обществе. Джордžio Армани, впервые увидев меня на одном из своих кастингов, воскликнул, что я должна работать у него: «Поразительное сходство! Вы приняты! Теперь у Armani будет своя София Лорен!» – ахнул он, не в силах отвести от меня своего восхищенного взгляда. О сходстве с Софией мне говорили и другие люди. Ну да, признаю, оно, действительно, есть, хотя, полагаю, не такое поразительное. Она, конечно, великолепна – София Виллани Шиколоне, но между нами разница в целых 17 лет. И, как минимум, одно принципиальное отличие – я категорически против спагетти аль денте, которые так любит Лорен, – обе дуги губ Филомены вытянулись в улыбке, изобразив красивую, но грустную улыбку на ее лице, – и потом, в конце концов, у меня есть своя, не менее яркая индивидуальность! – категорически заключила она.

Кстати, а сам то Джордžio Армани ведь тоже не сразу нашел свое призвание в жизни. Он, чьи родители бежали из Османской империи в Италию, спасаясь от геноцида армян 1915 года, сделал себя сам, начав творческий путь с оформителя витрин в универмаге, став затем дизайнером мужской линии. В какое-то время он даже пытался учиться на врача, но бросил эту затею. И только в 40 лет, в паре со своим, хм, скажем так, компаньоном, Серджио Галеотти, он открыл свой Дом Моды, который сегодня считается одним из самых крупных Модных Домов в мире. Мне было 15, когда они познакомились. Джордžio было 32, а молодой и неизвестный никому архитектор был моложе его на 11 лет.

Их роман развивался стремительно, и вскоре Серджио оставил семью и карьеру, уехав за Армани в Милан, чтобы постоянно быть рядом с ним. А ведь именно он, Серджио, возглавил все бизнес-операции молодого бренда, заботясь обо всех мелочах, если только дело не касалось самого творческого процесса. Поддержка Галеотти, который всецело посвятил себя процветанию дома Armani, быстро помогла Джордžio стать одним из самых любимых дизайнеров Италии. Его считали, да и сейчас считают, отцом итальянской моды. Среди поклонников его стиля София Лорен, Клаудиа Кардинале, Орнелла Мути, Дэвид Боуи, Джулия Робертс, Леонардо ди Каприо, Роберт Де Ниро, Джордж Клуни, Джоди Фостер и многие другие знаменитости, они считают за честь демонстрировать костюмы прославленного бренда на красной ковровой дорожке и модных, как сейчас говорят, тусовках. Правда, в долгу перед ними Армани не оставался никогда и он был им нужен больше, чем они ему! Вот, кстати, Кэти Холмс и Меган Фокс были в свадебных платьях от Armani в самый главный день своей жизни.

Все это происходило на моих глазах, ведь я открывала Недели Высокой Моды в Милане и Париже, будучи первым лицом бренда. Правда, параллельно появлялись не менее выгодные

предложения от других брендов – Dolce & Gabbana, Massimo Rebecchi, и, конечно, Prada. Все они с удовольствием приглашали меня на работу! – на щеках Филомены выступил розовый румянец. Если бы Марко мог ее видеть сейчас, он бы заметил, с какой яркой экспрессией, обрамленной мельчайшими деталями в этом монологе, она заново проживает свою насыщенную событиями и интригами молодость. Она изящным движением пальцев поправила свою челку и, как бы случайно, но с явным удовлетворением, взглянула на свое отражение в стеклянной двери, оживленно продолжая свой рассказ.

– Что касается Джорджо и Серджио, увы, у счастливой истории любви, как водится, не оказалось столь же счастливого конца. Это было, кажется, в 1984 году, когда я уже не работала на Armani, тогда вся Италия заговорила о том, что у Серджио Галеотти диагностировали СПИД. Для Джорджо последний год жизни Серджио оказался настоящей пыткой, лишившей его творческих сил и желания создавать что-то новое. Когда Серджио не стало, Армани всерьез задумался о том, чтобы покинуть основанную ими модную империю и причины для этого были весьма весомые, ведь он совсем не умел заниматься финансовым развитием компании, стоя в стороне от деловых реалий. Тогда ему пришлось полностью заняться решением бизнес-проблем, и в течение нескольких лет, мы все это знали, судьба дома Armani висела на волоске. Крупный холдинг моды Gucci в то время дважды предлагал Армани партнерство, где Джорджо должен был бы сохранить контроль над творческим процессом, но не участвовать в бизнес-операциях компании. Но он отказался только в память о Серджио – он просто не мог предать Галеотти, всю свою жизнь посвятившего себя дому Armani.

В тот переломный период компанию стали спешно покидать сотрудники, и некоторые из них, надо отметить, были довольно ценными профессионалами. Но когда, наконец, все крысы убежали, корабль вдруг перестал тонуть, и его паруса вновь надулись, неся его вперед, навстречу успеху. Кстати, сейчас, когда прошло уже более чем два десятилетия после смерти Серджио, Джорджо Армани так и не нашел ему замены. Он лично управляет империей и, насколько мне известно, вовсе не собирается искать преемников.

– Ты ведь знаешь, Марко, что центром итальянской моды долгое время считался наш город, любимая нами Флоренция, и самые значимые показы *alta moda pronta* проходили в палаццо Питти. Затем центр переместился в Милан, где также стали проводиться Недели моды. Поэтому мне частенько приходилось туда ездить. И, буду честна, делала я это не без удовольствия! Кстати, практически каждая Миланская Неделя моды не обходилась тогда без скандала: помню, какой шумной была неразбериха из-за якобы плагиата между Giorgio Armani и Dolce&Gabbana. Помню, это принесло Джорджо много головной боли. К тому же, его обвиняли и в том, что его модели страдают чрезмерной худобой. В мой же адрес продолжали сыпаться контракты, один за другим. В возрасте 25 лет я стала «Мисс Флоренция», через полгода «Мисс Элегантность», а вскоре после этого я заслужила престижный титул «Мисс Италия». Я купалась в лучах славы: меня носили на руках. И это был головокружительный успех!

Она перевела дыхание, уставившись на сына, после чего продолжила.

– А потом, потом появился Стефано – знойный итальянский мачо – твой будущий отец, и... влюбился в меня. Он был всегда так галантен, встречал меня после работы с цветами и подарками. Ах, много ли нужно итальянке, чтобы потерять голову?! Я уже не искала мимолетного летнего романа, хотя и дала понять, что не против его ухаживаний. Но мне хотелось проверить его чувства, и тогда я стала кокетничать, стремясь получить больше знаков внимания от него. Я понимала, что мне ни в коем случае нельзя бегать за ним – ведь всегда

надо оставлять первый шаг за кавалером! И, следуя своему плану, я, раз за разом, чтобы быть ему интересной, старалась быть новой, придерживалась разной манеры поведения, меняла стиль одежды – от элегантной красотики до подтянутой спортсменки. Зная, что почти все итальянские мужчины – фетишисты, и многие из них помешаны на каком-то предмете женской одежды – одному нравятся туфли, другому – сумочки, я стала нащупывать слабое место Стефано и не ошиблась, заметив наконец, что его до головокружения возбуждает моя леопардовая блузка! К тому времени голова уже кружилась и у меня! Чтобы закрепить эффект соблазнения, я пришпорила коня, взяв в узду свою назойливость, опасаясь, как бы он не почувствовал себя уже окольцованным и помещенным за решетку семейной жизни. Я порой специально не отвечала на его звонки под каким-нибудь вразумительным предлогом, вроде, «прости, я как раз была на подиуме», или «извини, что не ответила – меня к себе вызвал продюсер!». Эта техника чудесно работала – он названивал мне сам по 10 раз на день, чтобы узнать где я и чем занимаюсь!

Человеку свойственно помнить и свойственно забывать, и память позволяет удерживать в голове множество представлений, которое мы упорядочиваем и используем по мере надобности. Вот и Филомена, используя богатство своего жизненного опыта, пустилась в эти легкомысленные воспоминания, которые, казалось, были вовсе не к месту в этих печальных больничных условиях. Но кто взялся бы судить ее, ведь они были ей сейчас необходимы для управления собственным поведением и взаимодействия с другими людьми. Хранимые ее памятью ощущения от вспоминаемых образов помогали ей пережить этот тяжелейший период. И она, помня совет дотторе, продолжала свой рассказ:

– Сейчас я, с грустной улыбкой на лице, признаю, что хозяйкой я тогда была никудышней. На заре нашего знакомства Стефано почему-то поинтересовался, умею ли я вообще готовить? На что я ответила, что умею вкусно резать колбасу брезаолу... – Филомена великодушно улыбнулась, и в этой улыбке было столько очарования!

– А однажды, вскоре после замужества, нас почтила своим неожиданным визитом мама Стефано. Понаблюдав за мной на кухне – а я как раз только вернулась домой, еле держась на ногах от усталости, и пыталась сообразить ужин – она вдруг как-то очень серьезно спросила меня: «Милочка, а ваши родители, случайно, не древние греки? Нет? Странно. А откуда же тогда взялась такая безрукая Венера?»

Я потом проплакала всю ночь. А через 9 месяцев на свет появился ты, Марко. Тогда тетушка Ортензия – старшая моя сестра – по доброй традиции вывесила на входной двери нашего дома голубой бант – с вышитым на нем ангелочком и твоим именем. Она сказала, что таким образом мы сообщим соседям о рождении нового человечка, чтобы разделить с ними радость в этот особенный день. Голубой же цвет – цвет нашего итальянского неба – это взывание к Богу, чтобы он защитил новорожденного.

Романтический период наших встреч, влюбленности и поэзии как-то быстро подошел к концу. В наши отношения ворвалась жизнь, совместная жизнь, с ее бытовыми проблемами и малоприятной прозой. Прожили мы вместе не долго и расстались, когда тебе было полгода, хотя, наверное, мы могли бы быть идеальной парой, если бы не он... Не разделяя и не понимая моих творческих интересов, он не мог выдержать частых разъездов, всех этих, как он говорил, шика и гламура, дефиле, шквала фотосессий и подиумов, кастингов и вечерних ужинов со спонсорами. Он хотел, чтобы я бросила работу и занялась твоими пеленками и кашами. Дома он требовал, чтобы на кухне я находилась в строго определенном виде: в длинном фар-

туке и с туго повязанной на голове косынкой, полностью скрывающей волосы, дабы избежать их попадания в сковороду. Никаких маленьких кокетливых передничков он не признавал. Он также был категорически против синтетики, которую я так любила.

– Ты не будешь носить синтетику никогда и нигде, – говорил он. – От нее пятна не отстирываются. И это вредно! Одежда должна быть только из натуральных тканей!

Я же в большинстве случаев делала все по-своему, так, как мне было удобней.

– Ты очень упряма, – сказал мне однажды Стефано, – и это далеко не лучшая черта твоего характера.

– Но и не самая худшая, – ответила я.

Все-таки, твой отец, Марко, был странным человеком. Сначала он говорил мне: «ну, я тебя перевоспитаю», а потом: «а ведь ты раньше не была такой стервой»!

Как-то зимой я простудилась и слегла с температурой. Мне захотелось обыкновенного человеческого тепла, заботы и понимания. Стефано в это время занимался какими-то другими делами. Когда я сказала ему, что чувствую себя отвратительно, болит голова, горло и ломит во всем теле, он, мне показалось, воспринял мои сопли как личное оскорбление: «Не стыдно ли тебе жаловаться?»

Много позже я узнала, что мужчины терпеть не могут, когда женщина говорит им, что у нее что-то болит...

Твой отец всегда точно знал, что полезно и что вредно, как нужно питаться, когда заниматься физкультурой. Он точно знал, как надо жить и работать, как воспитывать ребенка и какое давать ему в будущем образование. И требовал, чтобы созданная им семья жила в соответствии с этими знаниями. Поначалу я пыталась его переубедить, бывало, мы спорили. Но потом я поняла, что в споре рождается не истина, а только мигрень, и что вовремя произнесенное «да, как скажешь» экономит время и нервы. А сейчас, спустя столько лет, я полагаю, что все-таки он был искренен в своем стремлении сделать так, как было бы лучше для всех.

– Ты чудесный, добрый и хороший человек, – сказала я однажды Стефано. – Ты умный и честный. Я была счастлива любить тебя. Но жить с тобой просто невозможно. Прости! – сказала я ему однажды утром.

Как ни странно, отпустил он меня легко, без истерик и скандалов, сильно этому не сопротивляясь, просто «взял свою душу в охапку», так он назвал свой поступок, и ушел, пожелав мне на прощанье удачи: *Le auguro successi!* Сейчас, по прошествии стольких лет, я понимаю, что наша семейная лодка просто разбилась о быт. Так бывает...

Филомена тяжело вздохнула, казалось, она до сих пор переживает боль от того расставания. После небольшой паузы, она вновь погрузилась в свои нелегкие воспоминания, делая их сейчас, спустя почти 40 лет, достоянием ее взрослого сына и молчаливых, выкрашенных в салатный цвет и повидавших на своем веку много печалей четырех стен, обступивших сейчас их обоих со всех сторон.

– Мне становилось все труднее растить тебя одной и совмещать это с карьерой. Я занималась тобой до твоего двухлетия, поначалу небрежно отклоняя заманчивые контракты и интересные предложения, поскольку верила в свою исключительность, зная, что хотя незаменимых и нет, но уж точно есть неповторимые, к коим я себя по праву причисляла. Как же я тогда жестоко ошибалась! Вскоре мои довольно неплохие финансовые сбережения стали стремительно таять вместе с наступлением экономического кризиса в стране. И мне было просто необходимо начать работать. Но возраст – за 30 – был тверд, неумолимо уверяя, что я пришла к своему финишу.

Однажды утром, проснувшись, я явственно ощутила безвозвратную потерю своей прежней востребованности. В поисках выхода из создавшегося положения, я пыталась дозвониться до прежних друзей по профессии, но они подставили меня в самый трудный период моей жизни. Этот жестокий, жестокий мир с еще более жестокими законами шоу-бизнеса, когда через час тебя могут уже забыть, и где можно легко ожидать предательства от тех, кого ты всегда считал настоящими друзьями!

А те бездарные девицы, мои косолапые коллеги по подиуму! Помню, я однажды сказала одной из них, что исправить ее сутулость сможет только могила. Они постоянно бросали в мою сторону свои завистливые взгляды, а потом стали наступать на пятки. Сейчас они, видимо, сумели вырваться далеко вперед и догнать их мне уже будет непросто, скорее невозможно. Я понимала, что рано или поздно я окончательно потеряю свою привлекательность, превращусь в страшного уродца, на которого будет стыдно смотреть даже в зеркало. Безжалостная реальность требовала безотлагательных действий.

На оставшиеся деньги я основала модельное агентство, назвав его своим именем и став его руководителем. И вот я занялась тем, что умела, обучая детей секретам модельной работы – хореографии, дефиле, работе на показах, на камеру, музыке, танцам, актерскому мастерству, этикету, а также английскому и французскому языкам. Работа отнимает у меня много сил и требует полной моей отдачи, но я поистине наслаждаюсь ее результатами, а душа моя блаженствует. Вот что значит правильно выбрать сферу своей деятельности, превратив работу в хобби.

Как ты знаешь, Марко, в то время я обратилась за помощью к Ортензии, чтобы она присмотрела за тобой. Эх, Ортензия, милая, добрая моя сестрица! – Филомена тяжело вздохнула, – Как же много ты сделала для меня, став верной подругой и надежным щитом в жизни. Я откровенно делилась с тобой всеми своими девичьими секретами и всегда получала твой мудрый совет. Ты появлялась мгновенно, при первом же зове о помощи. А потом – ты всецело посвятила свою жизнь воспитанию Марко! Сколько же в тебе было самопожертвования! Ты так и не создала своей семьи, отшучиваясь, впрочем, что в юности кто-то коснулся метлой твоих ног – мол, дурная примета – девушке никогда не выйти замуж!

Она, Ортензия, никогда не имевшая собственных детей, взялась за дело с большим чем требовалось рвением, став тебе, Марко, второй, а может и настоящей, мамой. Она, со знанием дела, говорила, что «как правильно воспитывать детей знают только те, у кого их нет». И действительно, с эдаким педагогическим энтузиазмом она лепила из тебя, словно из мягкой глины, послушного, воспитанного, вежливого мальчика.

– Филомена, неужели ты не знаешь, что грудничков не следует целовать в шейку, иначе потом младенец будет мучиться от бессонницы! – выговаривала она мне, когда я хотела поцеловать тебя, такого маленького и беззащитного.

Правда, ее почти безграничное суеверие стало доминантой в доме: «класть вешалку на кровать – к неудаче», «открыть зонт в квартире – к несчастью». Помни, в Италии зонты сушат в закрытом состоянии! «Не клади хлеб вверх тормашками на стол – это сулит голод». Зато, когда я была еще невестой и любила гулять под дождем, она говорила, это к удаче – «*Sposa bagnata, sposa fortunata*», или намокшая невеста – счастливая невеста...

Филомена перевела дух, прервавшись на минуту и повернув голову к двери. В палату вошла дежурная сестра с целью проверить показания аппаратуры. Сделав какие-то пометки в своем журнале, она удовлетворенно кивнула непонятно кому и тихо прошелестела свои накрахмаленным халатом мимо Филомены, оставив ее вновь наедине с сыном.

– Я помню, – продолжила свой рассказ Филомена, – как в два года у тебя, Марко, вдруг появились густые, но такие гладкие кудри, превращая твое лицо в лик маленького, доброго, светлого херувима, в душе которого поселилось солнце. Ты говорил тонким голосом, не выговаривая букву «р», и боялся той темной комнаты, что у нас на втором этаже. А если ты вдруг обижался и плакал, то и мне хотелось немедленно прижать тебя к себе и заплакать вместе с тобой. Потом у тебя появились мягкие щечки и ты радостно бежал ко мне, только что вернувшейся из очередной зарубежной поездки. Ты смеялся своей белозубой невинной улыбкой и раскидывал в стороны ручки, чтобы ухватить меня за шею и никогда больше не отпускать. В эти минуты я понимала, что самая прекрасная драгоценность, когда-либо украшавшая мою шею – это ручки моего ребенка!

А в 4 с половиной года у тебя выпал первый молочный зубик. Увы, я была в тот день на показе мод в Милане.

– Марко, милый, спрячь его хорошенько где-нибудь в доме, но никому не говори, – посоветовала тебе Ортензия. Она поистине была знатоком, более того – ревностной хранительницей всяческих традиций. Я сама об этом обычае тогда бы точно не вспомнила!

– А зачем его прятать? – удивленно спросил тогда ты. – От кого?

– Так положено, Марко, Спрячь его и ты увидишь, что произойдет завтра.

Ты – милый, наивный мой мальчик – не нашел места получше кроме как положить крохотный свой зубик, напоминавший жемчуг, под подушку. А утром, проснувшись, засунул под нее свою ручку, ища его. Вместо него ты обнаружил монеты и вмиг твое лицо засияло от изумления и радости!

– Это добрый мышонок взамен зубика принес тебе подарок, Марко! Делай с монетами что пожелаешь. Они твои.

А после завтрака, когда вы с Ортензией, как было заведено, вышли погулять, ты попросил ее подождать тебя у входа в магазин, а сам на все деньги купил мороженого – три пломбира, спросив при этом:

– Можно мы один спрячем для мамы? Она ведь так любит мороженое!

Я шла тогда по улице в сторону дома, а Ортензия гуляла с тобой возле крыльца. Заметив вас издали, я не могла не узнать тебя по немного растрепанным кудрям твоих волос, сбитым носкам ботинок, и мятым штанам на коленях... Я так сильно скучаю по тому мальчику!

А как-то утром я вставала на работу и вспомнила, что ты накануне просил разбудить тебя.

– Зачем, – спросила я, – ведь я встаю очень рано?

– Чтобы я мог позавтракать с тобой вместе и сказать, что я тебя люблю, – ответил ты, и я не сумела тогда скрыть слез. Филомена коснулась платком уголков своих, ставших сразу влажными, глаз.

Мы с твоей тетушкой так многому тебя научили: как правильно есть, как красиво одеваться и разговаривать со старшими, как бороться с жизненными невзгодами. Ортензия рассказывала мне, что когда тебе было 6 лет, ты как-то выпросил у нее немного денег, так и не сказав, на что они тебе были нужны. Она же, твердо считая, что основным постулатом взаимодействия между людьми служит формулировка «доверяй, но проверяй», решила проследить за тобой. Впоследствии, рассказывая мне эту историю, она говорила, что стала свидетелем милейшего случая.

Ты зашел тогда в магазин и долго стоял у прилавка, подсчитывая свои скромные денежки, а потом нерешительно протянул их продавщице и попросил дать тебе одну или две сосиски, на сколько хватит. Продавщица с бурчанием протянула товар, некогда ей было заниматься такой мелочью. А ты, говорила мне Ортензия, ты, еще такой маленький, но уже такой взрослый человек, вышел из магазина и кормил этими сосисками двух голодных бездомных котят. Ортензия сказала, что тогда поняла, не все потеряно в нашем мире.

А однажды зимой, тебе тогда было, по-моему, около 8 лет, ты пришел с прогулки каким-то очень взволнованным и трясся от холода. Мне тогда пришлось отогреть тебя своим шерстяным пледом и горячим молоком с какао. Когда у тебя порозовели щеки, тебя потянуло на откровенность. Ты сказал, что, кажется, влюбился.

– Что такое любовь? – спросила я тебя тогда, сама не зная ответа на этот один из, наверное, сложных вопросов в жизни.

– Мама, сегодня я отдал свою курточку девочке во дворе, одела её она, а тепло было мне, – ответил ты... А я в тот момент подумала, что нам, взрослым, всегда будет чему учиться у детей, чьи души еще не успели заржаветь от реальности окружающего мира.

Потом тебе стало 12, ты стал тощим подростком, который старался увильнуть от моих прикосновений. Я начала замечать, что стала меньше тебя видеть. Я скучала по тебе, но я понимала, что ты растешь и у тебя могут появляться свои серьезные дела. Несомненно, они не менее серьезны, если не более, чем у твоих ровесников. Почему родители с таким трудом понимают, что двенадцатилетним детям нужно столько же ласки, сколько и двухлетним, не меньше и не больше, ведь жизнь слишком коротка, чтобы скрывать свою любовь?

Помнишь, я как-то провожала тебя в школу? Как жаль, что путь до нее такой короткий... Тогда я хотела поговорить с тобой о вчерашнем вечере, когда мы вместе смотрели телевизор. Идя рядом с тобой, мне хотелось взять тебя за руку, но вдруг поняла, что придется взять тебя под руку, ведь ты почти догнал меня в росте. Ну, вот мы и пришли. Как жаль, что тебе нужно идти на урок! Мне так много нужно сказать тебе. Я хотела насладиться последними мгновениями, а ты вдруг заметил двух своих друзей и вот уже машешь мне рукой на прощание... – рука Филомены изобразила движение, словно она, так сильно, нестерпимо сильно скучая по сыну, находившему сейчас перед ней, махала ему в ответ, прося у Господа сохранить его.

– Я никогда не делала секрета из того, что у меня после твоего отца было много кавалеров. Кого-то из них я любила, с кем-то был просто мимолетный флирт. Всех их я разлюбила, да и вовсе забыла, очистив память от эпизодических персонажей из далекого прошлого. Но остался один – единственный мужчина, которого невозможно разлюбить никогда! И это ты, Марко!

Ты должен жить! И ты будешь жить! Слышишь?

Ты должен жить! И ты будешь жить!.. – вдруг, впав в отчаяние, стала повторять Филомена, все громче и громче. Затем, немного успокоившись, она вынула из маленького ридикюля носовой батистовый платок и промокнула слезы. Но они текли не переставая. Наконец, она смогла выдавить из себя:

– Когда я в последний раз говорила тебе, Марко, что горжусь тобой? Пожалуй, уж если я не могу вспомнить, значит мне нужно хорошенько задуматься, покопаться в своей дырявой памяти. Правда, я помню те моменты, когда поднимала на тебя голос – когда торопила тебя, боясь, что ты опоздаешь в школу, а я – на работу. К сожалению, я чаще кричала на тебя, чем хвалила. И сейчас, чувствуя, что ты слышишь меня, я хочу сказать, знай – я горжусь тобой, сын. Я восхищаюсь твоим профессионализмом, мне нравится твоя независимость, и то, как ты сам о себе заботишься. Ты никогда не ныл, и, с моей точки зрения, уже поэтому ты – замечательный парень. Каждая мать мечтает о таком сыне. Каждая мать когда-нибудь стареет, и как хорошо, когда рядом находятся наши любимые дети, которые терпеливо и искренне позаботятся о нас.

– Я прошу тебя, – на глазах Филомены опять выступили слезы, – открой глаза, Марко! Ты – мои крылья за спиной, ты – мои звезды над землей. Я только хочу, чтобы ты знал, я люблю тебя, сын...

Она остановилась в своих душераздирающих откровениях, резко привстав со своего стула от того, что, как ей показалось, веки Марко задергались.

– Мама! Это голос мамы! – вот она, долгожданная реакция сына на призывы и мольбы Филомены. Она электрическим импульсом пронеслась в травмированном мозге Марко. Но видения его были сейчас крайне далеки от этой, накрытой светло-зеленой простыней больничной койки, от этих прозрачных трубок, соединявших его с работающей аппаратурой, и даже от находившейся рядом матери, что вот уже второй день неумоимо, но пока тщетно, искала в себе последние силы в борьбе за возвращение сына к жизни.

Глава 4

– Мама! Это голос Мамы! Это она зовет меня Нардо! – маленький Леонардо открыл глаза и посмотрел по сторонам. Вокруг никого не было видно. Он присел и задумчиво положил подбородок на сложенные руки. Для своих 7 лет он был уже довольно рослым в сравнении со своими деревенскими сверстниками из Винчи. У него было светлое, покрытое румянцем, нежное лицо с умными и выразительными глазами цвета небесной лазури, пока еще маленький курносый нос, усеянный веснушками и вьющиеся, такие непослушные, золотистые волосы. Во всей его внешности была некая женственная прелесть. А еще – необъяснимая и тонкая гармония, точно характеризующая человека и отражающая его внутреннее состояние.

Он сидел посреди залитого солнцем цветущего луга, среди огромного количества ярких красок и разных запахов. Высокая зеленая трава и распустившиеся цветы: ромашки, васильки, колокольчики, фиалки – они были разбросаны по всему лугу. Каких только оттенков тут нет! И белый, и красный, и синий, и желтый, и фиолетовый. Все они сияют и радуют глаз. А как они пахнут! Над лугом летают бабочки и стрекозы, перелетая от одного цветка к другому, на цветках сидят пчелы, осы и шмели, их радостное жужжание слышно повсюду. Среди цветов можно найти лесные ягоды, чей аромат тоже витает в воздухе, смешиваясь с ароматом цветов. Вот где самый чистый и свежий воздух среди естественной красоты! Леонардо глубоко вдохнул носом этот пряный воздух, настоящий на ароматах растений и на нектаре цветов и ощутил, как его голова закружилась от удовольствия. Он закрыл глаза. Это был запах самой природы, самого разгара лета, и плодородной земли.

– Удивительно, – подумал мальчик, – откуда у этой земли такая сила, если она способна взрастить на одном поле столько растений? На одном лугу их, наверное, миллион. Столько жизни, которая питается соками земли и быстро тянется вверх! – он поднял голову вверх, посмотрев на волшебное синее небо, оно было словно бездонным! По нему плыли редкие белоснежные облака, так же как бабочки над этим лугом. И вот появились птицы, эти, наверное, самые чудесные создания природы. Они красиво парили, выделявая в воздухе различные траектории движения, проводя всю свою жизнь в полете, в этом завораживающем душу величественном полете! К птицам у маленького Леонардо было особое отношение. Ведь среди тысяч других живых существ, населяющих Землю, именно птицы нашли самый убедительный ответ на вызов пространства и подарили людям вдохновляющую идею полёта. В его не созревшем еще сознании уже давно появилось трепетное восхищение перед лицом чудес, открывающихся взору в мире птиц.

– Я тоже когда-нибудь полечу, обязательно полечу, – мечтательно, но в то же время очень серьезно подумал мальчик.

– Леонардо! – опять услышал он знакомый голос, и, обернувшись, наконец-то увидел хрупкую женщину, бегущую к нему, подбрав полы платья и как-то неловко перепрыгивая через высокую траву. – Нардо!

– Мама! – воскликнул он громко и его лицо засияло искренней радостью.

Женщина бросилась осыпать его горячими поцелуями, нежно гладила по голове, потом они обнялись и долго так стояли молча.

– Нардо, сынок, ты стал так похож на меня! Такие же длинные руки, мягкие как шелк волосы и моя улыбка!

– Мама, где же ты была так долго? – брови мальчика поднялись вверх в наивном вопросе и на лице его отразилась грусть. – Почему ты так долго не приезжала, ведь я скучал по тебе? Я не видел тебя целых три года, с тех пор как дедушка Антонио с отцом приехали в Анчиано и увезли меня в Винчи.

– Нардо, мальчик мой, – женщина устало посмотрела ему прямо в глаза, и на ее лицо тяжелой завесой легла глубокая скорбь, – нас разлучил твой дед, считая, что тебе с ними будет лучше, чем с родной матерью.

– Но почему все мои друзья живут с Мамами, а я – нет? И почему мои дедушка с бабушкой, и отец с его женой Альбиерой никогда не вспоминают о тебе? Всегда, когда я спрашиваю их о тебе, они отвечают, что ты не Мама, а просто Катарина. И вообще, просят не задавать много вопросов, потому что, как они говорят, не на все из них есть ответы. Расскажи мне, что случилось? Я хочу знать об этом, – мальчик пытливо смотрел на мать, и она почувствовала, как налились горячей кровью ее уши и щеки, и как колющая дрожь откуда-то из сердца медленно сползла вниз, к самым кончикам пальцев ее ног. Она, тяжело вздохнув, дотронулась правой рукой до округлости своего живота, и начала свой рассказ, наполненный душевной откровенностью:

– Нардо, ты уже повзрослел, и, может быть, действительно пришло время рассказать тебе о том, что произошло на самом деле. Ведь одному Иисусу известно когда мне еще повезет повидаться с тобой. Я родилась в бедной крестьянской семье, но, как мне говорили мои предки, род наш имеет благородное происхождение, ведя свое начало от тех англичан, которые более века назад пришли служить Италии под управлением военачальника Джованни Акуто. Хотя твой отец и дед считают, что моя принадлежность к англичанам это не более, чем просто легенда, но, видит Бог, это истинная правда! *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti*, – открытая правая ладонь Катарини осенила ее крестным знаменем, пройдя сначала от левого плеча к правому, а потом ко лбу и к груди. Затем она тихо продолжила:

– Мне пришлось начать работать чуть ли не с самого детства, чтобы помочь своей семье. Я прислуживала на Постоялом дворе, помогая то на кухне, то с уборкой и стиркой белья временных постояльцев. Как-то раз в нашу таверну заехал молодой, красиво одетый и, было видно, богатый человек. Это был Пьеро, твой будущий отец. Мне сказали, что он был сыном богатого землевладельца и потомственных нотариусов из Винчи. Работал он во Фьоренце. Было ему 25, и он, как я потом поняла, умел производить впечатление на неопытных девушек, оказывая те знаки внимания, которые нам, простолюдинам, были в редкость. Да и вообще, он обладал красноречием, и был очень обходительным и любезным ко всем, даже к бедным людям. Отец его, твой дед Антонио, как ты знаешь, человек строгих нравов, и Пьеру, для того, чтобы тайно навещать меня в Анчиано, удавалось всякий раз придумывать какие-то предлоги для поездки. И вскоре наши отношения стали по-настоящему серьезными, как мне, невинной и совершенно неискушенной в любовных делах девушке, тогда казалось. Хотя я все-же пыталась сопротивляться, молила помощи у Пречистой Девы Марии, но, наконец, не устояла. Ведь он настойчиво шептал слова любви, пообещав взять меня в жены. И я полюбила его всем сердцем и душой и отдалась порыву, не в состоянии дальше бороться с натиском чувств и зовом самой природы. Задумывалась ли я тогда о том, примет ли почтенное семейство меня, девушку из простой

семьи? Нет, я об этом тогда не думала. Позже я узнала, что дед Антонио говорил твоему отцу, мол, «не быть тебе моим наследником, если женишься на этой служанке».

А потом я стала ждать тебя, сынок, с интересом, а порой и некоей опаской наблюдая, как растет день ото дня мой живот, и с замиранием ощущая, как стучатся твои ножки мне в сердце.

Незадолго до твоего появления на свет приехали Пьеро с отцом. Они о чем-то говорили, даже, мне казалось, спорили с моей матерью. В разговоре этом сэр Антонио выкрикнул обидное, что мол, «породистый жеребец может покрыть ослицу и получится мул. Но мулу не место в семье нотариуса!». Потом позвали меня, приказали сесть в повозку и увезли в Винчи, в свой огромный фамильный дом. Там то мне и суждено было родить тебя. Повитухе долго не удавалось помочь мне разрешиться, но в пятницу, или уже в субботу, в три часа ночи 15 апреля 1452 года на свет появился ты, Нардо. Говорят, мои долгие предродовые стенания не давали уснуть соседним домам, а твой долгожданный громкий крик посреди ночи разбудил всех петухов, а за ними уже и весь Винчи! Городок знал, что в семье Синьора Нотариуса вот-вот ожидается появление первенца, судача обо мне и обсуждая мою греховность. Но что бы тебе ни говорили, Нардо, знай, ты есть плод большой и светлой любви, а не одной лишь похоти, в этом случае ты бы рос бездарным и глупым ребенком. Но зачатый при великой любви и желании должен обладать великим умом и добротой.

Катарина, рассказывая, время от времени отводила от сына свой, казалось, прикованный взгляд, сильно волнуясь и сбиваясь в своих непреходящих смятениях и переживаниях. А сейчас она, сделав паузу, вдруг обратила внимание, с какой искренней нежностью он смотрел на нее, и глаза его блестели словно две капельки росы. Он настойчиво просил продолжения. И она уступила сыну. Как-никак, это история его жизни и он вправе знать ее из первых уст, уст матери.

Мы с твоим отцом не состояли в браке, Нардо, и потому считается, что ты рожден не по закону. Но, к чести Пьеро и сэра Антонио, ты сразу же был признан их знатным семейством, поспешившим устроить торжественный обряд твоего крещения в церкви Санта-Кроче, в той самой, что стоит в центре Винчи. Твой дед запретил мне присутствовать на обряде, и я затаилась невдалеке, словно разбойник, скрывавшийся от поимки, с замиранием сердца наблюдая, как тебя, уже покрещенного по всем канонам католической церкви и укутанного в дорогое покрывало, бережно вынесла на руках твоя бабушка Лючия. Пьеро мне позже сказал, что при крещении тебе было дано имя Леонардо де Сэр Пьеро де Антонио. Леонардо – красивое имя, только очень длинное! Пьеро тогда пообещал, что отдаст мне тебя, ведь ты нуждался в грудном молоке, которого у меня оказалось столько, что я могла бы досыта прокормить еще одного малыша. Так и случилось – вскоре после твоего рождения нас обоих отправили в дом моих родителей, в деревню Анчиано.

Пьеро приезжал к нам всего несколько раз по воскресным дням после службы, а потом стал появляться все реже и реже. И хозяйка таверны, в которой я продолжала горбатиться то стряпухой, то прачкой, как-то утром прошептала мне на ухо, что ей стало известно о женитьбе твоего отца. Да, это оказалось правдой. Он взял в жены 16-ти летнюю Альбиеру Амадори, знатную девушку из самой Фьоренцы. Я уж не знаю, была ли между ними любовь, или это новое любовное покушение Пьеро на очередную девушку, оказавшуюся, впрочем, на этот раз из богатого рода.

И все это было уже не очень важно, хотя в глубине души я и хранила свою первую в жизни любовь – к твоему отцу. Главное, что ты был со мной, Нардо, ведь я всегда мечтала о сыне и счастлива, что судьба мне тебя подарила! Ты вот уже четыре года жил со мной в Анчиано и нам никто более был не нужен! Я была безгранично рада, наблюдая, что ты рос умным и любознательным мальчиком и задавал так много трудных, непонятных мне вопросов, на которые у меня не было ответов!

Но в семье твоего отца не было счастья, там так и не появился детский смех, несмотря на все старания Пьеро, а в этом деле он был ах как искушен. А потом случилось страшное. Одним воскресным утром нежданная повозка остановилась у нашего покосившегося домика – она привезла Пьеро и сэра Антонио, которые вырвали тебя из моих объятий, объявив, что увозят тебя на воспитание в свой дом в Винчи. Меня же, чтобы я не наложила на себя руки от отчаяния, спустя всего три недели, сначала уговорами, а потом и силой, сэр Антонио выдал замуж за известного во всем нашем округе задиру Аккатабрига, дав ему за меня, к слову, хорошее приданое, чтобы он, как говорил твой дед, «покрыл мой грех». На эти деньги тот купил маленький надел оливковой рощи, а также взял в аренду кирпичный завод у нас в Анчиано, мы и сейчас живем с ним там, в гончарной мастерской при заводе.

Нрав у него тяжелый, да и не любит он меня. Ведь если бы любил, то оторвался бы, наконец-то, от своей бутылки с вином, которое он потребляет в большом количестве, после чего, словно ветряная мельница, машет кулаками во все стороны, готовый сразиться хоть с самим Иисусом. В эти минуты не приведи Боже попасться ему под горячую руку, ведь, как шепчут селяне, те что постарше, он до смерти забил свою первую жену, уставшую более сносить его пьянство и побои. – Катарина прервала свою речь и опустила голову, уставив взгляд в сочную траву, затем вновь посмотрела на мальчика:

– А как ты, Нардо? Как тебе живется в Винчи? – в ее голосе чувствовалась непередаваемая усталость от столь печального повествования.

Маленький Леонардо сидел перед ней на траве, поджав колени к животу и смотря на мать грустными всепонимающими глазами. Рассказ матери потряс его детское сознание и, казалось, уже ничто не могло вернуть его в то радостное состояние, в коем он пребывал еще совсем недавно, любясь природой и ее удивительными творениями. Мать нетерпеливо ждала его ответа, то и дело поглядывая на небо, словно само раскаленное Солнце торопило ее вернуться домой. Сын понял это и, собрав воедино все свое детское мужество и постаравшись изобразить некое подобие улыбки, чтобы хоть как-то поднять настроение матери, да и самому себе, начал рассказывать о своей жизни в Винчи:

– Мама, все у меня хорошо, ты не волнуйся за меня. Отец и приемная мать заботятся обо мне. Да-да, дона Альбиера очень добра.

– Сынок, ты так учтив и умен, что понравился бы и самой ревнивой мачехе, – вставила Мать. Леонардо же мило улыбнулся и продолжил, – а бабушка Лючия любит и балует меня, всегда поет мне тихие колыбельные песни перед сном и печет вкусные берлингоццо с поджаренной в сметане корочкой! Правда, дед очень строг ко мне, но он такой со всеми. Когда он сердится, он требует, чтобы я называл его синьором, а не дедом. Потом, в который уже раз, строгим таким голосом напоминает мне, что его отец был хранителем какой-то там, не помню, печати и послом республики и мне надлежит более почтительно относиться к носящим эти титулы, имея в виду себя, конечно. – Леонардо по-детски наивно улыбнулся, почти засмеялся.

– Но дружу я с дядей Франческо. Он такой забавный! Мы гуляем с ним повсюду пока отца и деда нет дома. Франческо говорит, что разница в 17 лет дает ему право не только воспитывать меня, но и быть мне другом. Наверно, он и есть мой единственный настоящий друг в доме отца.

– Чем он занимается сейчас, твой молодой и веселый дядя Франческо? – спросила Катарина. – Он стал таки нотариусом?

– Нет. Он не хочет быть нотариусом, как мои прапрадед, прадед, дед и отец. Он говорит, что он «философ по складу мышления», а дед Антонио называет его своим «неудавшимся произведением», – умное выражение лица, с которым Леонардо говорил это, убедительно демонстрировало, что он хорошо понимает смысл каждого произнесенного им слова.

– Так вот, – продолжил он, – мы с дядей Франческо проводим все свое свободное время на природе. А времени у нас, правда, много. Мы обошли с ним все окрестности Винчи, что с одной стороны опускается в долину реки Арно, а другой – поднимается к тем таинственным скалам, где скрываются пещеры и текут очень холодные ручьи. Там, на склоне горы Монте Альбано, крестьяне распахивают поля и трудятся на виноградниках моего деда. Ты ведь видела, Мама, как много там старых олив и цветущих миндальных деревьев? А те деревья, что напоминают хвосты огромных лисиц – они, как сказал мне Франческо, называются кипарисами. С Монте Альбано, если погода ясная, мы даже видим бескрайнее Средиземное море! А иногда, когда дядя занят чем-то другим, я брожу один по горам и оврагам.

– Но почему один, сынок? Разве у тебя нет друзей из соседних дворов? – спросила мать.

– Нет, Мама. Все мои ровесники застряли в своем детстве и их пустые игры и увлечения меня больше не интересуют, – ответил матери Леонардо, – Но ты не тревожься. Со мной ничего не случится, я научился умело карабкаться по крутым уступам вверх, чтобы потом там, наверху, смотреть вокруг и мечтать, когда подо мной внизу мирно пасутся стада овец, а над головой кружатся крылатые хищники, – мать завороченно смотрела на сына, не понимая, когда же он успел так быстро повзрослеть и научиться красиво и грамотно говорить. А тот увлеченно продолжал:

– Мама, знаешь, это так интересно, наблюдать природу и животных, и запоминать все детали этого таинственного мира, следить за повадками рыб и тем, как растут деревья! Ты знала, например, что их ветви всегда толще на южной стороне, чем на северной? Франческо объяснил мне, что это солнце притягивает влагу на ту поверхность растения, которая к нему ближе. Их листья всегда поворачиваются лицом к небу, чтобы лучше воспринять своей поверхностью росу. А круги срезанных деревьев показывают число их лет и то, какие были более влажными или более сухими, смотря по большей и меньшей их толщине. И показывают так страны света, смотря по тому, куда будут обращены, – и вновь Катарина была удивлена его увлечениями и широким кругозором. Она видела, что разум сына дарован Господом и открыт всему миру, который в будущем ему предстоит покорять. Она гордилась им, своим сыном, в то же время признавая, что никогда не могла соперничать с ним в его умных речах. И, конечно, она отчетливо понимала, что не смогла бы дать Леонардо даже малой толики тех знаний, которые он получает в доме отца.

– Ты уже уходишь? – вдруг спросил он, чувствуя, как сразу защипало глаза и навернулись крупные слезы... Катарина молча кивнула.

Они прощались долго и тяжело. Прижав сына к себе, мать пыталась как бы напитать его собой. А он стал по-детски крепко-крепко обнимать ее и, приподняв голову, много раз подряд ее целовать в обе щеки и руки. Он вздрогнул, ощутив губами их огрубевшую кожу. Затем он грустно свернулся в такой маленький беззащитный комочек, словно весь мир сейчас ополчился против него. В этот момент сердце Катарини окончательно растаяло, а душевные силы, которые она все это время, прилагая невероятные усилия, держала в себе твердым комком, вдруг потеряли свою стойкость и ливнем из ее глаз обрушились на голову сына...

На краю этого, все еще залитого солнцем, луга стояли рядом, бок-о-бок, две вечные спутницы – Любовь и Разлука, издали безмолвно наблюдая за душераздирающим зрелищем: двумя крепко обнявшимися родственными душами Сына и Матери, навсегда связанными друг с другом незримой пуповиной, и находившимися в эту минуту в самом центре скорбного перекрестка Радости встречи и Печали расставания.

Леонардо обхватил Мать своими детскими, но уже крепкими руками, а в его памяти всплывали подробные детали самых первых воспоминаний его жизни. Он хранил их глубоко в сердце, в самом сокровенном уголке, пронеся через всю жизнь:

– Ой, почему Мама так громко стонет? Ей больно? Как же мне сейчас страшно! Стало очень тесно и больно! Я вижу что-то светлое, даже яркое. Чья-то жесткая рука больно ударяет меня... я делаю свой первый вздох, я дышу, кричу! Кажется, я родился! Я боюсь! Мне страшно и холодно! Всё вокруг такое непривычное! Неужели в этом мире можно существовать? И вдруг... что-то такое незнакомое, но уже родное, такое долгожданное лицо... Её улыбающееся лицо. И почему-то по нему текут слёзы, такие горячие. Ой, да это же моя МАМА!!! Так вот, оказывается, ты какая! И мне уже не страшно, я не кричу, я с упоением впервые пробую вкус её теплого сладковатого молока, наслаждаюсь ее запахом и засыпаю счастливым младенческим сном. Я расту... Мама подарила мне жизнь, она – мой самый дорогой человек на Земле.

Леонардо еще в раннем детстве наблюдал яркое проявление материнского чувства на примере одной кошки в Анчиано, которая, спасая своих малышей, каждый раз заходила в горящий дом, пока не вынесла всех своих котят в целости и сохранности, при этом бережно неся их в своих зубах, чтобы не поранить. Это ли не есть любовь и самопожертвование Матери?

В его памяти жили теплые воспоминания о маминой трепетной любви и заботе. Нежный ласковый голос, теплые руки, которые по утрам гладили его волосы, будили. Как он был счастлив в те утренние мгновения! Мама – она как Природа ранним летом, когда все благоухает, растет, цветет, мир дышит жизнью.

Он вспоминал, как гулял с мамой по лугу в Анчиано. Время для них как будто остановилось, и они просто шли, наслаждаясь красотой Природы, взявшись за руки, плели чудесные венки из желтых ароматных одуванчиков, похожих на пушистых цыплят. Мама так терпеливо отвечала на его многочисленные вопросы о мире, который их окружает. Он помнил звуки, наполнявшие тот прекрасный день: мелодичные переливы птичьего пения, бесконечное жужжание шмелей, нежнейший шелест изумрудно-зеленых листьев... И как он был счастлив, что именно Мама открывает ему это удивительное богатство Природы! Мама – это природа, художник, лекарство, герой, ангел-хранитель... «Мама – это прекрасный и удивительный мир, который вокруг меня, внутри меня! Мама – это жизнь»...

Леонардо, понуро опустив голову, возвращался домой. Перед ним, в какой-то дымке, неподвижно стоял образ Мамы, смотрящей на него любящими, но такими печальными глазами. Разлука с ней наполнила невыносимой болью его душу. Он больше не слышал стрекотания кузнечиков и жужжания пчел, не чувствовал аромата растений. Весь мир, словно соперживая ему, замер в какой-то торжественной печали.

– Вернуть бы ее, хоть на минутку – лишь увидеть родное лицо... чтоб посмотреть в любимые добрые глаза... и прикоснуться к ее таким огрубевшим от черной работы, но все-таки мягким, МАМИНЫМ рукам...

Сейчас, когда он с ней простился, он стал отчетливо, до боли, понимать, как важна для него МАМА. Ведь без нее померк свет, ушла вся радость жизни и осталась... лишь одна глухая тишина...

* * *

В доме его ждали дядя Франческо, бабушка Лючия и Альбиера. Отец уехал во Фьоренцу по делам, а дед Антонио, как сообщила бабушка, был приглашен в один из домов Винчи для составления какого-то нотариального завещания.

– Леонардо, где ты ходишь весь день напролет? Ты весь пропах лесом! Смени-ка штаны и рубаху, мой руки и садись за стол поскорее, – сказала бабушка добрым, мягким голосом, накрывая на стол, – вот-вот подойдет дедушка и мы будем обедать. Она искренне любила своего единственного внука, прощая его шалости и никогда не жаловалась мужу на его многочисленные прогулки по горам и лугам Тосканы.

В Винчи, в большинстве домов, кухня обычно объединялась со столовой и приготовление пищи осуществлялось на открытом очаге посреди комнаты с целью сохранить в доме тепло. В этом же, одном из самых, наверное, больших и знатных домов в городке, кухня была отделена от других комнат. Приглашенными сэром Антонио мастерами камин был перемещен к стенам главного зала, а позднее выстроено отдельное крыло для кухни, которая была отделена от зала крытой галереей так, чтобы дым, ароматы и вечная суэта кухни не тревожили гостей и домашних. На стенах кухни висели сковороды, большие и маленькие кастрюли, чайники и узорная вафельница, в которой по воскресеньям бабушка выпекала хрустящие вафли с козым сыром и шафраном. В углу стояли вертела для готовки на открытом огне, различных размеров треноги для котлов, и крючки для протыкания перепелов и дичи. Бабушка Лючия по праву считала себя полной хозяйкой этой империи запахов и вкусов. Домашнюю прислугу к приготовлению пищи она не допускала, они занимались лишь уборкой и стиркой, покидая дом Синьора Нотариуса по вечерам. Она же ежедневно обучала молодую невестку правильно пользоваться ковшами и терками, ситечками и ступками, чтобы тщательно измельчать пищу, протирать или процеживать ее до или после готовки.

– Лекарь утверждает, что чем лучше измельчена пища, тем эффективнее тело поглотит её, – говорила бабушка Альбиере, и невестка, с покорностью, терпеливо выслушивала ее назидания. Она была миловидной и отличалась грацией и живой одухотворённостью.

В этом доме любили кулинарные излишества и позволяли себе застольную роскошь, что в данном тосканском городишке показывало контраст между семейством нотариуса и местными бедняками. Здесь питались три раза в день. К обычным у бедняков одной, или реже,

двум трапезам, утреннему завтраку и вечернему обеду, здесь добавили merenda, или полдник. При надобности бабушка Лючия приказывала постелить дорогую скатерть из тонкого полотна и соответствующие ей салфетки, посуду, столовое серебро, кувшины для воды, дорогие графины, вилки и ножи. Главным отличием их трапезы от еды бедняков было почти ежедневное потребление мяса и отборного вина, обилие дичи, доставленной крестьянами и арендаторами из их собственных владений, а также – избыток специй и соли. По причине дороговизны это было не по карману простому люду.

Леонардо, усевшись на отведенное ему место, наблюдал за тем, как на длинный деревянный и хорошо отполированный стол, что стоял посреди большой комнаты, накрывают яства, предварительно устлав его скатертью. Хлеб, как он заметил, сегодня отсутствовал, зато на столе появились горячие пироги, начиненные грибами и смазанные сверху яйцом, отчего они приобрели аппетитные золотисто-хрустящие корочки. Посередине стола, на овальном фарфоровом блюде, лежал припущенный карп, фаршированный овощами и зеленью и политый острым кисло-сладким соусом из меда, уксуса и пряностей.. И, наконец, завидев входившего в дом мужа, бабушка принесла на стол тушеную говядину в глубоком и широком глиняном горшке. Леонардо был голоден, но он помнил, что в этом доме заведено приступать к трапезе только после того, как глава семьи, коим был синьор Антонио, сядет за стол.

Дед отчего-то был не в настроении, придравшись к жене, что та положила слишком много пряных специй – корицы и гвоздики – в тушеное мясо:

– Лючия, я тысячу и один раз говорил тебе, что пряности нужны, чтобы заглушать вкус несвежих или протухших продуктов, – сказал он сердито, при этом облизывая пальцы, – мы же покупаем в лавке мясо только что зарезанного тельника!

– Антонио, я старалась угодить тебе и строго следовала рецептуре, оставленной мне твоей покойной матушкой, – сразу покраснев, тихо ответила на его упрек Лючия.

– К черту рецептуру, будь она неладна! Вот даже доктор говорит, что моя подагра – это результат твоих «кулинарных ше-дев-ров». Да и дорого мне обходятся эти твои заморские пряности, – не переставая, ворчал Антонио, делая короткие паузы лишь для того, чтобы запить еду красным вином, что переливалось рубиновыми оттенками в прозрачном графине из хрупкого венецианского стекла.

Тут в разговор вмешался дядя Франческо, негромко произнеся:

– Отец, может ты прикажешь еще и придерживаться церковного календаря, согласно которому нельзя есть мясо по средам, пятницам и субботам, а также во время постов? Или мы монахи какие, коим мясо четвероногих животных вообще не полагается по уставу Ордена? Впрочем, я уверен, если бы не твоя подагра, ты бы и здесь нашел лазейку в законе.

– Не смей перечить мне, когда я говорю! – Антонио стукнул кулаком по столу, да так, что карп на овальном блюде пошевелил своими плавниками, словно живой.

Вдоволь насытившись мясом и нежнейшим карпом и заев все это двумя пирогами, у Антонио, казалось, улучшился нрав и он рассказал домочадцам, что сейчас, по дороге домой, возвращаясь от умирающего аптекаря, успевшего, однако, продиктовать нотариусу свое завещание, его укусила чья-то собака. И завтра он обратится к главе городка с настоящим

предложением переловить и утопить в Арно всех этих бесцельно-лающих бродяжек! Услышав об укусе, Лючия немедленно бросилась осматривать рану на пятке мужа, но там оказалась лишь малозначительная царапина. Дядя Франческо же, наклонившись к уху Леонардо, прошептал:

– Леонардо, ну ответь мне, дружище, разве можно доверять людям, которые не любят собак, а? Зато я доверяю собаке, когда ей не нравится человек, – они посмотрели друг на друга, в глазах дяди блестели озорные искорки. И, отвернувшись от Антонио, дабы не вызвать очередной вспышки его гнева, они оба таинственно заулыбались, уже давно научившись прекрасно понимать друг друга.

Дядя Франческо каждый день раскрывал перед любимым племянником удивительную мудрость природы. Нередко он вместе с племянником спускался к реке и, глядя на ее быстрые воды, говорил Леонардо, что вот, мол, и жизнь приплывает и утекает. Они гуляли по лесу, и дядя Франческо показывал ему, какие превращения происходят с насекомыми. Он заставлял Леонардо прикоснуться руками к комочкам земли, когда всходили хлеба, сам удивляясь той неведомой силе, которая помогает тоненькому стебельку пробиться сквозь твердую, оледенелую землю. А в разгар лета дядя и племянник наблюдали за муравьями, которые тащили на себе зерна более крупные, чем они сами. Однажды дядя Франческо рассказал ему сказку о тайном договоре между муравьем и зернышком.

– Оставь меня здесь. Я вернусь в родную землю, а через год принесу тебе не одно, а сто зерен, – попросило зерно муравья.

– Ну а муравей?

– Он, Леонардо, так устал тащить зерно, что согласился. Только не очень-то он поверил обещанию зернышка. А через год...

– Колос! Зерно превратилось в колос! Верно, дядюшка?!

На следующее утро Леонардо с дядей Франческо отправились по обыкновению гулять по окрестностям Винчи. Они забрели далеко в луга и стали собирать птичьи яйца. Ловко отыскивая спрятанные в траве гнезда, Франческо в своем увлечении разгибался лишь изредка, в то время как мальчик, задрав вверх голову, больше наблюдал за птицами, которые с криком носились над ними.

– Леонардо, не различаешь ли ты в их крике что-либо понятное нашему разуму? – подняв голову, спросил дядя.

– Да, я четко слышу, как они просят нас не похищать их еще не родившихся детей, а вот эта пара прогоняет нас, крича – Вон отсюда, негодяи! – отвечал ему мальчик.

И так было каждый раз – они соревновались в изобретательности, придумывая значения птичьему крику.

Птицы... таинство их полёта не переставало приковывать внимание Леонардо к небу, и он готов был часами наблюдать за тем, как птицы – малые и большие – совершают свое загадочное действие, купаясь в порывах ветра или паря над облаками, распластав свои крылья. Его по-прежнему завораживало волшебство полета!

– Дядя Франческо, разве не жестоки те, кто излавливает птиц и сажает их в клетки? Помнишь, ты рассказывал, что птицы – это одни из самых древних существ на земле, чьих современников давно уже не осталось в природе, а вот птицы дожили до наших дней! Так неужели они могут оказаться на краю гибели из-за людского неблагоразумия? Разве можно помещать эти свободные существа за прутья? – спросил мальчик.

– Да, ты прав, лишать кого-то свободы – это более чем жестоко! И этих торговцев можно увидеть повсюду на нашем местном базаре. Но это их род занятий, Леонардо, ведь лишая живые существа свободы и, затем, продавая их, они кормят и одевают свои семьи. Такова жизнь! Вот мы, например, съедаем теленка, убитого мясником, ловим рыбу и птицу для жарки на вертеле. А что более жестоко, как ты полагаешь, посадить птицу в клетку, где она лишена свободы, или убить ее для употребления в пищу?

Леонардо замолчал, погружившись в глубокое раздумье. Он не знал ответа на вопрос дяди. А потом он сказал серьезно:

– Я никогда, больше никогда не буду есть животную пищу из-за уважения ко всем земным тварям! Даже не прикоснусь к ней! Я слишком люблю все живое!

– Но это же глупо, да и неразумно, лишать себя вкусного, аппетитного, ароматного и полезного для организма жаркого! К тому же это не решит проблемы. Вот твой дед Антонио, например, съедает мяса, птицы и рыбы за троих, словно батрачит в поле, а не за конторкой своего бюро, – пытался переубедить его дядя. – Хотя я и вижу, что твою жалость вызывает даже покалеченный на дороге кузнечик, которого, я это наблюдаю постоянно, ты бережно поднимаешь и опускаешь в траву, чтобы ненароком не раздавили. Я не могу не уважать твои чувства, Леонардо. Но в то же время, твой ненасытный, желающий всё познать ум доводит нас порой до жестокости. Помнишь наши опыты над теми же животными, которых ты пытаешься оберегать и спасать? Не так давно мы с тобой разрезали лягушку, чтобы посмотреть, что у нее там внутри. А до того, смазывали воском крылья летающих насекомых, утяжеляя их, с целью выяснить, смогут ли они теперь подняться в воздух насекомое. Ты сам говоришь, что смотреть, запоминать, изучать – это то, к чему тебя так страстно влечет!

– Смотри-смотри, Леонардо, – вдруг воскликнул дядя, – это коршун, – он указывал рукой на птицу с раздвоенным хвостом. – Видишь его? – спросил он, ложась рядом с Леонардо на траву, чтобы удобнее было следить за полетом. – Когда ветер, как вот сейчас, дует высоко в небе, коршун тоже парит в вышине; когда же ветер гуляет по равнине, коршун бесстрашно спускается даже ниже башни замка Кассеро. Коршун, он не любит зря махать крыльями, он всегда плывет по свежему ветру...

Но Леонардо его уже не слышал. Он заворожено смотрел в небо и мысли унесли его в далекое прошлое:

– Почему я не родился птицей? – думал он. – Я отчетливо помню из своего детства, как Мама, уложив меня в колыбельку перед нашим домом в Анчиано, сама ушла собирать цветы для горшка, отойдя далеко к краю лужайки. В тот момент к моей колыбели подлетел коршун, внимательно посмотрел на меня и несколько раз прикоснулся крылом к моим губам. Мои губы до сих пор помнят то необыкновенное чувство от прикосновения перьев птицы. Правда, иногда мне кажется, что это был сон. Но если это и был сон, то он поразительный

и полный пророческого смысла. Это видение с самого раннего детства оставило глубокий след в моей памяти и душе. Я думаю, что тот коршун был вестником моей судьбы и мне в жизни надлежит заниматься изучением птиц и тайны их полета.

Потом он с улыбкой посмотрел на своего добродушного дядю, который так любил его баловать. Тот, находясь невдалеке, весело что-то напевал, рассматривая бабочку на своей ладони. Леонардо обратился к нему:

– Дядя Франческо, спасибо тебе за то, что возишься и играешь со мной, за наши совместные увлечения! Помнишь, как ты из ветвей можжевельника научил меня делать крепкие, далеко стрелявшие луки, и учил определять дальность выстрела, а потом мы вместе отмеряли шагами правильность наших расчетов, и, когда ты угадывал, а это было в большинстве случаев, твоей радости не было предела! А еще мы из полых стволов тростника вырезывали дудочки. Ты проверял мой музыкальный слух и мы вместе определяли места, где надо было вырезать отверстия для пальцев, чтобы добиться чистого звучания! Если бы не ты, я бы никогда, наверное, не научился понимать природу и ценить всякую жизнь, будь-то птица или пушистый зверек. Именно ты пробудил во мне интерес к окружающему и благодаря тебе я понял, что *Природа есть Истина*, а её можно познать, лишь внимательно наблюдая за ней.

Франческо был тронут еще детским, но уже таким осознанным и искренним выражением благодарности. Он признательно обнял мальчика, притянув его к себе за плечи.

Вечерело и пора было возвращаться домой. Солнце уже окрасило своим багряным заревом пыльную, темно-малахитовую листву деревьев. Небольшая роща на краю живописного луга еще наслаждалась мягким теплом от медленно заходящего светила, шелестя на поднявшемся ветру своими густыми и пышными кронами. Вся растительность луга благоухала букетом остропряных ароматов, и мощный аккорд лета был апогеем в этой цветущей симфонии.

Дома их ждал накрытый к обеду стол, все уже были в сборе, но к еде не приступали. Дед отчего-то нервно расхаживал из угла в угол. Завидев сына и внука, он, в свойственной ему строгой манере, сказал:

– Франческо, где вас ноги носят? Когда, наконец, закончится это бесцельное времяпрепровождение? Может пора уже взяться за ум? Я не позволю, чтобы из моего единственного внука вырос такой же праздный бездельник, как ты! Запомни, предоставленная мальчику свобода не должна быть дурно использована!

– Отец, – ответил Франческо, – у ребенка должно быть детство. Так они, дети, посредством игр и любимых увлечений развиваются как личность, в них они находят себя.

– Я то уж очень хорошо вижу, как развилась твоя личность, шалопай ты и беззаботный туineaдец! В чем, скажи, в чем ТЫ нашел себя? – ворчал синьор Антонио, с огорчением осознавая свою беспомощность что-либо изменить в жизни сына, этого совершенно «неудавшегося произведения».

На следующий день, в субботу, в городке Винчи как обычно кололи свиней. Все мальчишки с округи сбегались посмотреть на это зрелище, охотно интересуясь вещами отвратительными и ужасными. Они собирались вокруг животного, толкаясь, чтобы протиснуться в первые ряды и стараясь ничего не упустить. Они строили гримасы и отвечали издеватель-

скими возгласами непрерывному визгу животного, принесенного сюда на заклание. Свиней убивали безжалостным способом: животное опрокидывали спиной на широкую доску и крепко привязывали – уже тогда одного его крику было достаточно, чтобы испугаться и убежать. После этого в сердце свиньи вгоняли бурав, каким пользуются виноделы в Италии, просверливая винные бочки. Первое время, пока сердце смертельно раненного животного продолжает биться, деревянная рукоятка бурава покачивается, но постепенно колебания становятся короче, и, когда этот страшный маятник смерти останавливается, это означает наступление конца. И тут люди, сгрудившиеся вокруг, со свистом набрасываются на только что убитое ими животное, чтобы его разделать. Толстый мясник, отгоняя толпу, разрезает брюхо сверху вниз, во всю длину, и отделяет легкие, погруженные в свой прозрачный мешок, печень, и сердце, и кишки, обернутые слоями белого жира. Люди же вокруг, точно как их далекие предки, танцевавшие возле убитого ими мамонта, со смехом и дурацкими шутками, напиваются молодым вином и жадно поедают сырую печень и другие части свиньи, считающиеся одновременно и лакомством, и целебным продуктом от ста хворей.

В то субботнее утро Леонардо присутствовал на подобной кровавой оргии, стоя в стороне от бушевавшей толпы убийц. Весь оставшийся день после увиденного он провел в раздумьях и полном одиночестве, поднявшись на склоны Монте Альбано. А на следующий день местный приходской священник после воскресной службы в разговоре с бабушкой заметил:

– Любезная синьора Лючия. Хотел бы ненадолго отвлечь Ваше внимание и поговорить об отроке Леонардо, внуке Вашем. Намедни довелось заметить мне, что он отличается редкостным состраданием, тогда как другие дети, подобные безжалостным разбойникам, смеются, наблюдая это варварство. Черты его лица искажаются от сильной душевной боли, словно бы инструмент, которым закалывают свинью, проникает в его сердце. Позвольте мне выразить уверенность, синьора Лючия, что если его определить к духовному званию, то он мог бы стать хорошим проповедником, чтобы управлять прихожанами и называться их пастырем. Кроме того, язык его превосходно подвешен.

Лючия хорошо запомнила слова священника. И вечером, когда все домочадцы традиционно собрались за столом, включая отца, она, накормив семью обильным воскресным ужином, поведала об этом разговоре мужу и сыну Пьеро, тем самым дав пищу для их рассуждений о будущем мальчика.

Между тем, встреча с Мамой не выходила из головы юного Леонардо. И поздно вечером, когда все в доме уснули, он зажег свечу и сел на стул за бюро деда Антонио. Он левой рукой взял толстое гусиное перо, недавно очиненное дедом с помощью перочинного ножа и окунул его в бронзовую чернильницу. Пористая внутренность стержня впитала чернила и упругое перо – справа налево – заскрипело по шероховатой бумаге.

Это было письмо, полное наивных, но таких искренних, вопросов и душевного отчаяния. Письмо, адресованное... Богу:

«Господи,

Я еще маленький и грехов у меня пока нет, но они, кажется, потихоньку собираются. Вот и дедушка Антонио говорит, что меня так и тянет вытворять что-то плохое. Это Ты меня испытываешь? А может мы, люди – это твои игрушки?»

А бабушка Лючия рассказывала мне, что Ты самый главный на Земле, хоть и живешь на небе. И Тебя надо любить и почитать. Я Тебя, конечно, люблю, но... маму я люблю больше. Ты сможешь простить меня за это?

Ты все знаешь, скажи, помирятся ли мои родители?

Господи, я Тебе благодарен за все, что Ты мне раньше делал. Но помоги мне сейчас. Моя мама так страдает на Земле, неужели в Твоем аду бывает еще хуже? Я жду ее все время. За что Ты наказываешь добрых людей? На это есть твоя воля? Разве счастье положено не всем людям? Сделай так, чтобы на Земле никто никогда не плакал.

Я Тебя очень прошу, помоги мне. Это самая большая просьба. Обещаю, что больше я Тебя беспокоить никогда не буду. Даже если случится умирать.»

Он подул на бумагу, чтобы обсушить чернила. Затем аккуратно сложил лист и, уже на следующее утро, отнес его на луг и положил в гнездо, надеясь, что добрые, милые птицы, которые летают так высоко, вскоре непременно доставят его могущественному адресату.

Глава 5

Знатное семейство, не имея других наследников, серьезно задумалось о будущем семилетнего Леонардо. Ведь, невзирая на его незаконное рождение, он был принят полноправным членом в семью. Поскольку отцу мальчика часто приходилось уезжать по службе во Фьоренцу, то образование внука весьма рьяно занялся сам сэр Антонио. Хотя затея это была пустая – Леонардо было неинтересно слушать уроки деда. Тогда, в поисках альтернативы, мудрый старик отвез его в школу при церкви Св. Петрониллы, недалеко от Винчи, где он должен был обучаться церковному писанию, счету и латинской грамоте, хотя считать и писать мальчика к тому моменту уже успел обучить дядюшка Франческо. К церковному же писанию и латинскому языку он не проявлял никакого интереса. Сэр Антонио был в бешенстве, поскольку знание латыни в то время было необходимостью:

– Латынь – это не каприз, который можно не исполнять, Леонардо. Это обязательный атрибут грамотного человека в наши дни! Ты ведь хочешь продолжить нашу династию? – вопрошал дед, на что мальчик просто не отвечал. Он предпочитал по-другому проводить свое время, и часто, выходя утром из дома, вместо школы сворачивал в рощу, наблюдая там за насекомыми, растениями и полетом птиц. А придя домой, он начинал рисовать, изображая увиденные сегодня листья со всеми их прожилками, речные раковины и насекомых, и их порой невозможно было отличить от живых! Он как-то спонтанно, но так серьезно, увлекся живописью, со всем своим богатейшим воображением и неестественно острой наблюдательностью, имея перед собой лишь прекрасные скульптуры и картины, созданные самой природой.

Рядом с городком Винчи шло строительство большого дома для одного знатного синьора, которым руководил зодчий Биаджио. Леонардо часто, вместо посещения школы, приходил сюда посмотреть, как рабочие возводят стены, ровняя их угломером, и как, с помощью специальных устройств, поднимают вверх тяжести. Вскоре сэр Биаджио заметил любознательного мальчика, они разговорились и зодчий был крайне удивлен его ясному уму. Он увидел, что мальчик задает вопросы, связанные со строительством, и для правильного понимания ответа на них ему необходимо знать элементарные основы механики и других технических наук. Вот так и начались их занятия по арифметике, геометрии, алгебре. Зодчий видел, как мальчик схватывает все с невероятной легкостью, словно он когда-то изучал данные науки.

А спустя некоторое время приходской священник, который не так давно советовал бабушке Лючии определить Леонардо к духовному званию, но поняв, что тот испытывает интерес к природе, техническим занятиям и рисованию, самолично отвел смышленного мальчика в мастерскую живописца из Эмполио. Войдя в помещение, Леонардо чуть не задохнулся от отвратительного запаха яиц и творога, которые мастер использовал для приготовления красок. Сам же художник стоял на деревянном помосте, делая какие-то исправления на полотне. Мальчик завороженно смотрел за его проворными движениями кистью по полотну, а потом, уже будучи не в силах вытерпеть подкатившее к горлу удушье от гнилостного смрада, с зажатыми руками ртом выскочил наружу.

Как то к сэру Пьеро, отцу Леонардо, обратился крестьянин, который был птицеловом и рыболовом и регулярно, вот уже несколько лет, поставлял дичь и рыбу семейству нотариусов:

– Сэр Пьеро, – сказал он, – будьте добры, взгляните на это, – он держал в руках круглый шит, вырезанный из древесины инжирового дерева.

– Что это? – спросил Пьеро.

– Мне дал это знакомый плотник в обмен на рыбу, – ответил крестьянин, – и, поскольку вы часто бываете во Фьоренце и знаете там многих, я бы хотел попросить вас любезно передать его какому-нибудь художнику, чтобы он расписал щит на свой вкус. А мы с Вами потом рассчитаемся за работу.

Сэр Пьеро, будучи по натуре человеком добрым, конечно, согласился выполнить просьбу крестьянина. Он вернулся в дом и заглянул в комнату сына. Тот сидел спиной к двери, будучи поглощенным изображением на картоне каких-то поразительно живых букашек, которые, казалось, вот-вот быстро поползут по поверхности рисунка. И тогда сэр Пьеро принял совсем другое решение:

– Леонардо, – позвал он, и сын медленно повернул голову в его сторону, – Леонардо, сынок, ты можешь расписать этот щит? – тот оторвался от работы, положив кисть на стол, взял в руки щит и внимательно на него посмотрел, словно изучая. Затем он кивнул отцу головой в знак согласия и вернулся к своему занятию.

Получив задание от отца, мальчик стал думать над тем, что же изобразить на этом круглом щите, и, в итоге, решил нарисовать нечто страшное, например, голову Медузы, чтобы напугать зрителей. Он обработал деревянную поверхность щита, залил ее гипсом и стал думать, каким образом было бы лучше воплотить свой замысел.

После прогулки по лесу, он принес в свою комнату большое количество разнообразных живых натурщиков: ящериц, сверчков, змей, бабочек, кузнечиков, летучих мышей и других подобных тварей, из которых, комбинируя их различными сочетаниями, создал в итоге весьма страшное и отвратительное чудовище, отравляющее все вокруг своим зловонным дыханием и воспламеняющее воздух. Это был дракон с огромной головой Медузы, вылезавший из пещеры и изрыгающий яд из пасти и огонь из глаз. Леонардо был полностью поглощен своей работой, затянувшейся на несколько дней, и, казалось, вовсе не замечал зловония, которое распространяли мертвые твари, принесенные им в жертву искусству, пока в комнату к нему не влетел дядя Франческо. Он резко остановился, словно оцепеневший, у порога:

– Леонардо, чем ты занят? Что ты делаешь? – закашлял он, искривив лицо в гримасе и тотчас же закрыв нос рукой, – Фу, здесь страшная вонь! Открой окно и впусти вовнутрь свежего воздуха. У твоей бабушки Лючии сильная головная боль, еще утром она, в поисках источника смрада, приказала прислуге проверить все крысоловки в подвале дома, но все они оказались пусты! Боже милостивый, ты – безумец! – воскликнул он и брови его сначала недоуменно поднялись вверх, а потом, когда взгляд его остановился на издыхающих живых тварях, приклеенных к щиту, они слились в одну сплошную сердитую линию,

– Это из великой моей любви к искусству, – молча ответил Леонардо, вернувшись к своему занятию.

Еще через несколько дней картина была готова и пришло время показывать ее отцу. Войдя в комнату к сыну и взглянув на нее, сэр Пьеро с испугом отпрянул назад, не отводя глаз от щита и храня гробовое молчание. Затем он спросил:

– Это тот самый щит, что я дал тебе, Леонардо? И действительно ли это живопись?

– Да, отец. И это произведение служит тому, ради чего оно сделано. Оно производит впечатление. Можешь забрать его, – сказал Леонардо.

Сэр Пьеро не отдал работу сына крестьянину. Взамен он купил у одного флорентийского старьевщика другой щит с нарисованным на нем пронзенным сердцем и отдал крестьянину. Тот же, в знак большой благодарности, снабжал их бесплатными дичью и рыбой в течение целого месяца. Впоследствии, отец тайно продал щит Медузы каким-то купцам в городе, выручив за него сто дукатов.

Леонардо исполнилось 10 лет, когда отец с женой Альбиерой переехали во Фьоренцу, где сэр Пьеро начинал службу в качестве нотариуса Флорентийской Республики. Маленький городок Винчи отходил для отца Леонардо в прошлое. Одна эпоха кончилась, начиналась новая. За молодыми в город также последовали дед Антонио и бабушка Лючия, оставляя Леонардо жить в Винчи на попечении дяди Франческо. День отъезда принес радость всей семье, кроме оставленного дома мальчика. В поисках утешения он вновь, как всегда, уходил на свидание со своей единственной Любовью, которая его никогда не предавала – с Природой. И она оберегала свое дитя от одиночества. Или дарила ему его, когда было нужно.

Спустя три года в Винчи пришла весть из Фьоренцы о том, что донна Альбиера умерла при родах, так и не родив ребенка. Леонардо поник от грусти – его мачеха была всегда так добра к нему, лаской скрашивая его домашнюю жизнь. Печаль по поводу ее смерти заполняла его сердце. Теперь он оставался единственным наследником своего отца, хоть и незаконнорожденным. Но сэр Пьеро, ему тогда было 38, не собирался долго горевать по безвременно ушедшей в мир иной супруге, так как не в его характере было терять время понапрасну. Вскоре он женился во второй раз, на молоденькой, прелестной девушке Франческе Ланфредини, которая была всего двумя годами старше самого Леонардо.

Спустя год сэр Пьеро, как-то приехав в фамильное поместье в Винчи, сказал сыну, что ему пора собираться в путь:

– Мы едем во Фьоренцу, Леонардо! Хватит тебе болтаться по всему Винчи без толку! Тут ты растешь как дикий зверек, а там будешь учиться, – сказал он и в груди у Леонардо тревожно заклокотало от ощущения грядущих перемен. Он еще не вполне осознавал, что конкретно ждет его, и это его настораживало и даже пугало. В то же время он чувствовал, что душа его просит чего-то свежего, просит теплого, нежного, долгожданного ветра перемен, понимая, что грядущее принесет какие-то неизведанные пока новые возможности и открытия!

Чудесная пора детства в полях и лугах между Винчи и Анчиано, теплые вечера в доме деда, где все ждали субботы и возвращения сэра Пьеро, пролетели быстро, но Леонардо запомнились навсегда.

С утра он ходил в глубокой задумчивости, а затем решил прогуляться за городок, туда, где давно уже вовсю развернулось строительство новых домов для знатных синьоров. Зодчий Биаджио сейчас уже руководил новой стройкой. Обрадовавшись появлению Леонардо, он не мог не заметить его грусти:

– Леонардо, что с тобой? Я не узнаю тебя! Чем вызвана твоя печаль?

Леонардо поведал ему о том, что ему предстоит переезд. Зодчий предложил ему сесть рядом и ободряюще произнес:

– Ничто не стоит на месте, Леонардо. И не стоит страшиться перемен. Чаще всего они случаются именно в тот момент, когда приходит такая необходимость. Помни, что все, что неожиданно изменяет нашу жизнь – это не случайность. Я хочу рассказать тебе историю из моей жизни.

Пять лет назад, когда я переживал далеко не самый лучший период, я бродил по нашему городку, будучи обремененным множеством проблем, и вдруг увидел сидящего на краю дороги старичка. Торопиться мне было некуда, я присел рядом и мы разговорились о сути бытия. Старик поразил меня своими умными речами и жизненным опытом.

– Старик, ты мудрый человек, скажи мне, вот я еще не старый и сильный мужчина, но нигде не могу найти хорошую работу. Сын у меня бездельник, дочь гуляет, а жена ничего не делает по дому, все хозяйство приходит в упадок. Что мне делать? Дай мне совет, можно ли все исправить?

На что старик, повернувшись ко мне своим давно увядшим морщинистым лицом, тихо ответил:

– Повесь у себя на двери табличку и напиши на ней: «Так будет не всегда».

Я так и сделал. А через несколько месяцев мне, как хорошему мастеру, неожиданно поручили руководить строительством первой виллы на этой стройке. Сын мой, наконец-то, взялся за ум и занялся своим делом, дочь я удачно выдал замуж и она стала хорошей женой и матерью, а супруга моя, видя, что я снова начал хорошо зарабатывать, оказалась прекрасной хозяйкой, я ею очень доволен.

И вот, спустя какое-то время, по дороге на работу, я вновь повстречал того старика. Он, словно дервиш пустыни, облаченный в свои лохмотья, сидел на той самой пыльной дороге, скрючившись от бремени лет, и медленно перебирал восточные четки. На указательном пальце его руки сияло, отражая солнечные блики, старое, покарябанное медное кольцо. Он смотрел вдаль своими морщинистыми, сильно слезящимися и подслеповатыми глазами и одному лишь Господу было известно, о чем он думал в тот момент.

– Приветствую тебя, мудрый старец, – поздоровался я, не в силах скрыть некоторого волнения.

Он не мог не узнать меня, я это понял, когда он жестом пригласил сесть рядом. Я охотно поделился с ним едой, что заботливо укладывала жена, провожая меня по утрам на работу. Старик долго, одними деснами, жевал кусок отварного мяса, при этом крепко сжав губы, чтобы не проронить ни капельки драгоценного и питательного сока. Было очевидно, что еда ему нравится, хотя он, наверняка, почти уже и не помнил вкуса мяса, питаюсь, когда придется, одной лишь скудной пищей вдали от давно потухшего очага своего дома. Пристанищем ему чаще всего служили перевернутые лодки у реки, а передвигался он на своих скрюченных ногах. А порой, если ему улыбалась скупая удача, случайно посылая ему в попутчики добрых людей, то и на их телегах. Мы с ним вновь завели беседу, правда, не столь длинную, как в первый

раз, поскольку свободного времени у меня уже было не так много. Но я успел поведать ему о своих переменах:

– У меня всё наладилось с Божьей помощью. Что ты мне сейчас посоветуешь? – спросил я его, улыбаясь. Старик же, посмотрев мне в глаза, тихо сказал:

– Табличку ту не снимай с двери. И помни, ничто не вечно под луной! – взгляд его вновь устремился куда-то вдаль, словно он ожидал появления из глубины веков самого царя Соломона, чтобы передать ему свое сияющее на солнце потертое кольцо, которое делает грустных людей весёлыми, а весёлых – грустными своей мудрой надписью «Всё проходит. И это тоже пройдет»...

Зодчий смотрел в спину уходившему Леонардо, а сам, вздохнув, подумал: «Вот так всегда – я утешаю людей словами, которые порой самому хотелось бы услышать от кого-нибудь».

* * *

В праздник Благовещения, 25 марта, во Флоренцию, или Фьоренцу, как ее тогда называли, что означало «цветущую», на двух лошадях верхом въехали два всадника – человек средних лет и молодой. Первым был нотариус Флорентийской Республики сэр Пьеро, рядом ехал его сын, четырнадцатилетний красавец Леонардо. На протяжении всего пути перед его глазами стоял прощальный взгляд заботливого дяди Франческо, стоявшего у дверей отчего дома в Винчи и беспомощно махавшего ему вслед,

Леонардо с первых же минут своего пребывания в новом, очаровавшем его своим видом городе, стал жадно вдыхать его воздух, насквозь пропитавший его улицы и архитектурные шедевры. Да, это был не тот маленький Винчи с двумя достопримечательностями – замком герцогов Гуиди, контролировавших Тоскану в далеком 12 веке, и церковью Санта-Кроче в центре городка, что соревновалась в высоте и великолепии с древним замком. Здесь, во Фьоренце, все завораживало его взгляд – Домский собор, колокольня Джотто, капелла Пацци, дворец Медичи, дворец Ручеллаи, дворец Питти – у молодого Леонардо кружилась голова от этих чудес зодчества и архитектуры.

Здесь жили и создавали свои бессмертные творения Донателло, Брунеллески, Учелло и Альберти! В городских мастерских ни на минуту не смолкал шум наковален и не прекращалась работа гончарных станков. Здесь трудились строители и вольные мастера, ремесленники и торговцы, аптекари и адвокаты, купцы и парфюмеры. Фьоренца не управлялась тиранами, как многие соседние города-государства Италии. Щедрая благотворительность, изменившая облик города, исходила от банкиров и торговцев. Городом управлял клан Медичи, известнейших банкиров, взявших из старой легенды герб для своего рода – шесть красных шаров на щите, что символизировало капли крови великана, когда-то давно терроризировавшего город, и впоследствии истребленного прародителем рода Медичи.

Сейчас, когда Леонардо прибыл сюда, во главе города стоял один из самых ярких представителей семейства Медичи – Козимо Старший, ставший в 30 лет главой банковского дома Медичи, а к 40 годам получивший в наследство огромное состояние в 180 тысяч флоринов, а также шерстопрядильные фабрики и монополию на добычу незаменимых в текстильной промышленности дубильных квасцов. Для своего времени Козимо получил блестящее образование. Он обучился латыни у гуманиста Роберто Росси, под руководством которого основательно изучил классиков и проникся к ним большим уважением.

Будучи практиком, Козимо понимал, что в жизни человек, вооруженный наукой, стоит десятка обыкновенных людей. Всю жизнь он соблюдал завет своего отца, Джованни Медичи: «Никогда не давай прямых советов, выражай свои взгляды с осторожностью, никогда не проявляй гордости, избегай судебных тяжб и политических споров и всегда оставайся в тени». Возглавив город, Козимо оставался простым гражданином, не приняв никакого титула и не изменяя республиканских форм. От тирании, вымогательств и насилий Козимо был почти совершенно свободен и пользовался своей властью для устранения внутренних смут и для налаживания сложных отношений с Миланом, Венецией и Неаполем.

Все в городе очень хорошо знали своего правителя – совсем не высокого, скромно одетого, болезненного на вид человека, который охотно развязывал кошелек для нуждающегося простого люда, был очень сдержан, никогда не говорил дурно об отсутствующих, не любил, когда при нем злословили о других, всегда имел наготове острое слово, ни при каких обстоятельствах не терял головы и одинаково ловко и хорошо ухаживал за своим фруктовым садом на вилле Кареджи и заправлял делами своего банка, раскинувшегося по всей Европе. А его правительство заботилось о расширении торговли, промышленности и банковских оборотов своих граждан. Став самым богатым человеком Европы и имея в должниках королей Англии, Франции, самого Папу Римского и целое государство Венецию, Козимо употреблял огромные средства, приобретенные обширными и удачными коммерческими операциями, на благо народа: за раздачу хлеба в голодный год его называли «Отцом Отечества».

Стремясь сделать Фьоренцу центром интеллектуальной жизни Италии, столицей западной культуры, Козимо, первым из Медичи, начал широко покровительствовать художникам, учёным и поэтам. Его дворец был первым крупным гуманистическим центром в Италии. Неудивительно, что на членов этой династии работали многие деятели Возрождения: Бенvenuto Челлини, Сандро Боттичелли, Филиппо Брунеллески, Микеланджело, Рафаэль, Тициан и другие. Более того, во многом благодаря помощи семейства Медичи, здесь мог работать Галилео Галилей. Козимо Старший Медичи стал одним из первых меценатов, кто признал неизбежность появления художника нового, ренессансного, типа. «Этих гениев, – говорил он, – нужно воспринимать так, словно они не из плоти сделаны, а сотканы из звёздной пыли».

Отца Леонардо, сэра Пьеро да Винчи, уважали, особенно в среде аристократии. По приезду во Фьоренцу он сначала стал поверенным монастыря Сантиссима-Аннунциата и других учреждений. При этом, его благосостояние стремительно улучшалось, что позволяло ему приобретать дома, новые земли и виноградники в Винчи. Впрочем, он продолжал жить скромно и не забывал о благотворительности, не прекращая жертвовать деньги церкви. А вскоре он получил завидную должность нотариуса Магистрата, где ему по рангу полагалось роскошное жильё недалеко от Площади Синьории. Работа занимала все его время, поэтому было решено определить Леонардо в школу для изучения математики, музыки, пения, грамматики и письма на вольгаре – разговорной разновидности латинского языка.

Сам латинский язык в то время считался хлебом насущным не только всех учащихся церковных школ, он занимал важное место и в светском образовании: все официальные и частные документы составлялись на латыни, будучи основой книжной культуры и науки.

Однако, по причине незаконного рождения, Леонардо было отказали в обучении классической латыни и греческого языка. Сам сэр Пьеро, надо сказать, тоже был не тверд в латыни, языке своих предков. Так и Леонардо, на всю жизнь остался uomo senza lettere, или человеком

без книжного образования, не владевшим правильной латынью. Отец любил своего единственного сына, стремясь дать ему хорошее образование, и активно старался привить ему интерес к своему делу согласно незыблемым традициям семьи, чему Леонардо всячески противился – его не интересовали законы общества и он совсем не хотел становиться нотариусом.

– Ты скоро увидишь всю Фьоренцу, мальчик мой, а значит ты узнаешь мир, – восклицал сэр Пьеро в первые дни после приезда сына из Винчи. Но его очень смущало, что сын пишет левой рукой, – И перестань писать левой рукой, возьми перо в правую руку, как все нормальные люди! Кисть для рисования ты можешь держать как угодно, но для работы нотариусом необходимо писать правильно, иначе люди начнут поговаривать, что твоей рукой водит нечистая сила! – в сердцах возмущался отец, но когда он увидел, как сын украшал буквы завитушками, и что его письмо было таким же красивым как и у опытных писарей, он перестал твердить о влиянии на сына сатаны.

История повторилась. Как и в Винчи, Леонардо особого рвения в учебе не проявлял, хотя в математике, за немногие месяцы, что он ею занимался, он достиг таких успехов, что постоянными сомнениями и сложными вопросами не раз ставил учителя в трудное положение.

– Отец, – жаловался он, – в школе нас заставляют все заучивать наизусть. Сегодня наказали розгами мальчика за то, что тот забыл какую-то малость.

– Но учитель объяснил мне, что заучивание необходимо по причине дороговизны книг, – отвечал сэр Пьеро сыну. – У самого учителя их лишь несколько, у других и того меньше.

И действительно, книги ценили как предметы роскоши, предназначенные не для чтения... а для увеличения сокровищ церквей и богатых мирян. Именно крайняя редкость рукописных книг, изготовление которых требует много времени и средств, делала необходимым заучивание наизусть.

– И прошу тебя, Леонардо, – не спорь больше с учителем! Слово учителя – это непререкаемая истина!

Но, несмотря на эти кажущиеся сложности, Леонардо, как и прежде, интересовался всем и понемногу. Обладая прекрасным музыкальным слухом, что было, несомненно, заслугой его любимого дяди Франческо, он увлекся игрой на флейте и лире, научившись умело импровизировать, и делал это отменно на зависть профессиональным музыкантам.

Как-то вечером, играя на флейте в соседней комнате, Леонардо услышал разговор деда с отцом:

– Говоришь, он умнее учителей? – спрашивал сына дед Антонио, с недоверием щурия свои глаза.

– Отец, – говорил сэр Пьеро, – вчера я разговаривал со старшим учителем в школе. Так он сказал мне, что Леонардо поражает их всех своей невероятной легкостью и ранней строгостью своих мыслей, что он равно одарен во всем, и все его интересует: математика, геометрия, физика, музыка, живопись и даже скульптура. Но он также отметил и его единственный недостаток, он сказал: «множественность его дарований и непостоянство вкусов», мол сын Ваш

жадно переходит от одного предмета к другому, как если бы хочет охватить все человеческое знание сразу.

– Но этим не прокормиться! Пьеро, какой толк от этой премудрости? Кем он станет? Нотариусом, как ты и я? Нет, увы, не станет! Он незаконный и ему не позволят! Бастард не получит титул нотариуса!

– Да, но другие... – пытался возразить сэр Пьеро отцу.

– Другие? Какие другие? – ворчал дед, – Королевские бастарды есть во всем мире, мы это знаем. Хорошо быть незаконным сыном короля! Но ты – не король! – не умолкал дед, – Вот Франческо, мой законный сын, сидит дома и не работает! Не желает! Не имеет интереса, видите-ли! – он развел руками. – И Леонардо, внук, сидит сейчас дома и не работает. Он – незаконный!

– Отец, не сравнивай моего сына с бездельником Франческо! Леонардо умный!

– В том-то и беда, что умный. Но... незаконный. А нам приходится всех кормить, да еще при таких грабительских налогах! Вот мой совет тебе, Пьеро. Вся эта латынь, музыка и прочая ерунда никому не нужны. Пусть лучше идет учиться чему-то полезному, лучше всего ремеслу, чтобы он мог зарабатывать себе на жизнь. – Сказав это, дед захлопнул большую амбарную книгу, в которой он вел строгий учет всех доходов и хозяйственных расходов семьи.

А через некоторое время Леонардо познакомился с практиковавшим аптекарем, и, следуя его советам, стал собирать и высушивать целебные травы. Сэр Пьеро, увидев однажды в доме развешанные на веревке пучки каких-то трав, удивленно спросил:

– Леонардо, что за цветы ты развесил по всему балкону? Уж не собираешься ли ты стать аптекарем? – и не став слушать сына, со строгой настойчивостью, продолжил, – я запрещаю тебе ходить в аптеку при Санта Мария Новелла и общаться с теми монахами-доминиканцами, что изготавливают свои эликсиры и снадобья!

– А что тебя отворачивает от трав, лечебных ароматических масел и снадобий, отец? – спросил Леонардо удивленно.

– Под видом этих масел и вытяжки из трав, многие из которых действительно помогают больным людям, эти монахи и алхимики также готовят составы, которые на деле оказываются страшными ядами. Сын, я прошу тебя, – голос сэра Пьеро стал мягче и теперь был полон мольбы, – будь благоразумен и осторожен. В этом городе частенько свершались самые известные заговоры и отравления ядом кантарелла, мучительная смерть от которой наступает мгновенно. Мне как нотариусу Магистрата постоянно приходится узнавать о все новых случаях отправления ядами, – затем он продолжил шепотом, – Мужья отправляют на тот свет своих постаревших и подурневших жен, а жены – травят спившихся или загулявших мужей, барышни – своих любовников, когда вдруг выясняется, что они женаты. Дети травят насмерть родителей. Жены в одночасье становятся вдовами, а дети – сиротами. И все это зло совершается во имя мести, либо вдруг родившейся ненависти, а чаще всего – для скорейшего вступления в наследство. Сторонись этого греха, сын мой!

Но сэр Пьеро ошибался в своих предположениях о выборе сына. Когда он в очередной раз увидел, как тот рисует цветок на их балконе со всеми его тычинками, затейливое насекомое в мельчайших его деталях, вечно спешащих куда-то людей с рыночной площади, еще что-нибудь другое, созданное природой и достойное изображения, он иначе взглянул на будущее сына. Да, основным своим увлечением Леонардо считал живопись, чему всячески способствовало само его внутреннее стремление в соответствующей атмосфере Фьоренцы. И однажды, он, сэр Пьеро, захватив с собой его рисунки, некоторые из которых были сделаны сыном еще в Винчи, отнёс их к лучшему живописцу Тосканы и большому своему приятелю Андреа дель Чони по прозвищу Верроккьо, чья художественная мастерская располагалась на виа Гибеллина. Раньше сэр Пьеро не раз помогал художнику оформлять кое-какие юридические бумаги, и сейчас убедительно просил его сказать, достигнет ли его сын Леонардо, отдавшись рисованию, каких-либо успехов.

– Маэстро, помогите мне, пожалуйста, разрешить тяжкие сомнения.

– Охотно, сэр Пьеро. Всегда к Вашим услугам. О чем идет речь? – участливо спросил тот.

– О моем сыне. Посмотрите на эти рисунки. Я хотел бы знать ваше о них суждение. Если у него есть талант – хорошо; если же нет, то Леонардо станет нотариусом. Никогда не думал, что у мальчишки такая страсть к искусству! – говорил между тем сэр Пьеро. – Он, правда, ко всякой всячине любопытен: то изучает насекомых, то растения. Натаскал в дом тьму букашек разных, а латынь забросил. Зато спорить с учителями горазд. А вчера захожу в его комнату и что вижу? Гору рисунков.

– Ну-ка, посмотрим, – Верроккьо надел свои очки, сощурился близорукие глаза, взял рисунки Леонардо и молча их рассматривал, – он левша?

– Да. Но как вы узнали, маэстро? – удивился сэр Пьеро.

– По характеру штриха. – ответил Верроккьо уверенно. – Приводите вашего мальчика когда вам будет удобно, синьор Пьеро, можете прямо сейчас. Он будет жить вместе с остальными учениками. Думаю, из него выйдет толк.

Услышав эти слова, отец принял решение отдать сына в ученики к Андреа. Перед тем, как впервые отвести его к учителю, он строго спросил:

– Ты уверен, что станешь первым, а не последним?

– Да, – твердо ответил ему Леонардо.

С этого момента судьба его была предрешена, и отныне все его помысли будут отданы беззаветному служению Искусству.

Глава 6

В то время, когда Леонардо впервые оказался во Флоренции, она была одним из культурных центров Европы и могла претендовать на гордое прозвище «вторых Афин». Хотя чума, или черная смерть, и сократила число горожан наполовину, флорентийцы отчаянно сопротивлялись бедам. Это время было для города периодом расцвета искусств. Почти все знатные семейства, во главе с Медичи, покинули строгие средневековые дома и переселились в изящные особняки – палаццо. Они строили церкви, монастыри и богадельни и украшали город фонтанами и памятниками. Леонардо, гуляя по городу, дивился невиданной красоты куполом на городском соборе. Здесь, в церкви Санта Кроче, он восхищался фресками Джотто, написанными почти 100 лет назад, он не мог отвести глаз от фресок Мозаччо в церкви дель Кармине и в церкви Санта Мария Новелла, что рядом с аптекой монахов-доминиканцев, куда навещаться ему строго-настрога запретил отец. Здесь, во Флоренции, Леонардо впервые встретился с людьми высокой культуры. Это окончательно определило выбор его жизненного пути, который вел к Искусству.

Путь этот привел четырнадцатилетнего Леонардо, сопровождаемого сейчас отцом, в художественную мастерскую, или боттегу, Андреа Верроккьо, находившуюся в самом центре города. Над входом в боттегу висела табличка с именем хозяина.

Войдя вовнутрь, их встретил, как показалось мальчику, хмурый и неразговорчивый человек:

– А, вот и вы, синьор Пьеро! Решили, значит, прийти? А это, видать, ваш сын, – указал он головой на Леонардо, прищурив глаза и осмотрев мальчика с головы до пят.

– Да, синьор Верроккьо, как и договаривались. Принимайте ученика! – сэр Пьеро легким движением руки подтолкнул сына к Верроккьо. Тот оглянулся назад, но отец сказал ему тихо:

– До встречи, Леонардо. Помни данное тобой обещание, – и, изобразив поклон головой в сторону Верроккьо, – Благодарствую! – он повернулся и быстрым шагом покинул мастерскую.

Маэстро Верроккьо был внешне очень похож на обыкновенного лавочника, или скорее пекаря, поскольку был весь перепачкан алебастром. Он имел круглое и пухлое лицо с двойным подбородком, и в его пронзительном, остром взоре и слегка прищуренных глазах был заметен острый и любопытный ум. Он посмотрел Леонардо прямо в глаза, сухо сказав:

– Будешь называть меня Учителем! – а затем, повернувшись, громко позвал кого-то:

– Сандро, покажи новому ученику всё наше хозяйство, а также место, где он может оставить свои вещички!

К ним тотчас подошел молодой человек лет двадцати, с красивым пробором на голове, идеальная линия которого разделяла его кудрявые черные волосы на две равные части. Его внешность украшал большой, но не портивший его нос, крупные глаза и немного выпиравший вперед тяжелый подбородок. В его внешности чувствовалось что-то благородное, если бы

только не небольшая сутулость, к которой он, очевидно, был склонен. Он, наспех вытирая тряпкой промасленные руки, протянул одну из них Леонардо:

– Алессандро ди Мариано Филипепи, – представился он с улыбкой, но все зовут меня просто Сандро, или Сандро Боттичелли.

– Боттичелли? – удивился Леонардо, – это ведь «бочонок»?

– Да, «бочонок» – он так искренне засмеялся, – Так прозвали моего старшего братца из-за его округлых форм фигуры. А потом это прозвище досталось всем нам, нас пятеро братьев в семье.

– Я Леонардо из Винчи, – в свою очередь скромно назвал себя мальчик. – А давно ты в этой мастерской, Сандро?

– Нет, недавно. После начальной школы при монастыре Санта Мария Новелла, я поступил учиться ювелирному делу. Это мастерство меня многому научило, но мне больше нравится живопись, которой я учился у прославленного художника Филиппо Липпи, в Прато.

Леонардо покачал головой, имя этого художника было ему незнакомо. А Сандро уже вел его вперед, выполняя поручение Учителя показать мастерскую новому ученику:

– Верроккьо нам не просто Учитель, он нам как отец, – сказал он. – Видишь, как много здесь молодых учеников, намного младше тебя? И он обучает их всех скульптуре, ювелирному делу, арифметике, грамоте и живописи. Он искренне считает, что математика является основой науки и искусства. Поэтому не удивляйся, когда неоднократно услышишь из его уст, что «математика – это мать всех наук», а геометрия, как часть математики, является «матерью рисунка и отцом всех искусств». Видишь, – Сандро указал кивком головы на стоявшего впереди Учителя, – он и сейчас находится в постоянном поиске, что-то вечно сравнивая, обдумывая, измеряя, придумывая какую-нибудь новую прелесть, которую никто до него еще не находил.

Действительно, Верроккьо никогда не сидел без работы. Он всегда трудился над какой-нибудь статуей или над живописным полотном, быстро переходя от одной работы к другой, лишь бы только не терять формы.

В это время они входили в большое, просторное помещение, совмещавшее в себе торговую лавку, мастерскую и дом хозяина, двери которого были целый день открыты, а внутри царил совершенно особая атмосфера. Мальчики-ученики проводили здесь дни и ночи, становясь одновременно художниками и скульпторами, кузнецами и строителями, ювелирами, столярами и архитекторами.

– Мы живем одной семьей с маэстро, – увлеченно продолжал Сандро, – вместе едим вон за тем длинным столом, спим мы в том помещении, – он указал пальцем направо. – Мы здесь одна семья, одно «братство», как говорит Учитель. Мы сами распределяем между собой обязанности – убираем боттегу, делаем покупки, ну и, конечно, готовим штукатурку и растираем краски. А те, что поинтереснее, делают росписи какой-нибудь фигуры, всегда в строгом соответствии с эскизом на картоне самого маэстро. Запомни это – Учитель требует подчинения и никакой выдумки от себя! А еще он ценит доверие! Вон в той сумке, смотри, – он показал

на серый мешочек, привязанный веревкой к потолочной балке, – лежат деньги. Любой из нас может брать оттуда столько, сколько нужно для покупки продуктов с рынка.

Они вместе вошли в первое помещение с очень высоким потолком. Здесь с одной стороны стояли кузнечный горн, мехи и наковальня для обработки молотом металла, а с другой – огромные подмостки для ваяния величественных статуй. В других, еще более просторных помещениях, стояли печи для плавки, столярные столы. Здесь же был склад мела, воска и других материалов.

– Позволь познакомить тебя с Пьетро Перуджино, – сказал Сандро, указывая на сосредоточенно склонившегося над картиной ученика, тот был старше Леонардо лет на шесть, – это Леонардо из Винчи, наш новый подмастерье.

– Зови меня просто Перуджино, – сказал тот, не поднимая головы, чтобы не отвлечься ненароком. Сандро, отводя Леонардо в сторону, прошептал:

– Не будем ему мешать. Перуджино очень талантлив, особенно в стенных росписях, так считает Учитель. Когда поступает заказ на изготовление алтарных образов и фресок, Учитель обычно поручает это дело ему. Перуджино родом из бедной семьи, и это отразилось на его характере, сделав его скверным и тяжелым. Не удивляйся когда увидишь, как он скуп. И он никому не доверяет, а потому имеет обыкновение все ценное носить с собой. Но это, надо признать, один из лучших учеников боттеги и Учитель вынужден прощать ему его недостатки.

– А вот и Лоренцо, Лоренцо ди Креди, тоже наш новый подмастерье, – мимо них пробежал мальчик, почти ребенок, деловито неся в обеих своих маленьких руках довольно тяжелую форму для отливки нательных серебряных крестиков. – Он поступил сюда недавно, сразу после обучения у своего отца, золотых дел мастера.

– Что это за записные книжки, Сандро, которые вы все носите с собой? – спросил Леонардо, заметив у учеников шитые вместе листы бумаги, торчавшие из их карманов.

– Это не книжки, а альбомы. Это требование Учителя. Они всегда с нами, где бы мы ни были. В них мы делаем моментальные наброски с предметов, которые кажутся нам интересными, беглые портреты людей с выразительными чертами лица и даже маленькие сюжетные сценки. Таким образом Учитель приучает нас, своих учеников, к пристальному изучению реальной природы. Он уверен, что это важное средство для познания окружающего мира. – ответил ему Сандро, крайне уважительно отзываясь об Учителе. – Ты убедишься, Леонардо, что маэстро Верроккьо удивительно талантливый и очень образованный человек! В свои 31 год он добился всего сам, став известным на всю Фьоренцу скульптором, ювелиром, художником, резчиком и даже музыкантом. И его приводит в ярость, если на нас, художников, смотрят как на обычных ремесленников, словно мы строители какие или маляры.

Первым заданием, которое получил Леонардо от Учителя, было растирание красок и прочей черной работы, что, по убеждению Учителя, было прямым путем к постижению законов живописи и рисунка. Друзья по боттеге с недоверием смотрели на нового подмастерье, не понимая, как можно все делать левой рукой, в том числе – штриховать рисунки слева направо. – Не проще ли работать правой рукой?

В мастерской Верроккьо работали 18 учеников. Они были молодыми людьми, полными жизни, веселыми, скорыми на руку и острыми на язык. И всех их объединяла безумная любовь к искусству. Каждый точно знал свои обязанности, и каждый трудился, уважая другого и не мешая ему. Оценивали друг друга без высокомерия. Многие работы они выполняли или завершали всей группой, и в таком случае на произведении стояла подпись не Андреа Верроккьо, а его школы-мастерской.

Вскоре самым близким другом Леонардо стал Лоренцо ди Креди. Они вместе рисовали, ходили в церковь Санта Кроче смотреть фрески Джотто, а в Кармине – фрески Мазаччо. Оба охотно помогали маэстро Андреа готовить раствор для гипсовых масок. Верроккьо как раз в это время открыл особые свойства мела: когда его смешивали с теплой водой, он становился мягким, словно воск, а после просушки делался твердым, как камень. Верроккьо стал снимать гипсовые маски с лиц покойников. Леонардо и Лоренцо с радостью помогали маэстро, зорко наблюдая за его действиями, готовые исполнить все по первому его знаку. Мастерскую Верроккьо буквально осаждали толпы заказчиков.

Вот в этом месте и прошел путь Леонардо от подмастерья до ученика. Это время пролетело быстро: годы упоенного познания мастерства, перспективы, анатомии... Леонардо радовал Учителя своими успехами.

В мастерской картины писали на деревянных досках. Сначала контуры рисунка рисовали на картоне, то есть большом листе бумаге, потом эти контуры накальвали тонкой иглой. Прижимая картон к доске, его присыпали толчёным углём, и пыль проникала через дырочки, оставляя следы на грунтованной белоснежной доске.

Когда Леонардо было уже 20, учитель Верроккьо предоставил ему возможность показать в выгодном свете свой рождающийся гений:

– Леонардо, – он жестом руки подозвал его к себе, – послушай-ка, Леонардо. Монахи Валломброзы заказали мне полотно, изображающее крещение Христа. Как видишь, картина уже почти выполнена. Смотри: на берегу Иордана Святой Иоанн в задумчивости крестит Иисуса. Два коленапреклоненных ангела поддерживают его. Леонардо, я хочу оказать честь одному из лучших моих учеников и, в то же время, испытать его силы. Ты догадываешься о ком я говорю?

– Нет, Учитель, – скромно сказал Леонардо.

– Заканчивать картину будешь ты. Вот здесь напишешь левого ангела, держащего одежды, и пейзаж на заднем плане, – сказал ему Верроккьо. – Можешь приступить к работе.

Через полчаса он услышал панический шепот за своей спиной, принадлежавший его другу Лоренцо ди Креди:

– Что ты делаешь, Леонардо? Для чего тебе понадобилось льняное масло? И куда ты дел те яичные желтки для темперы, что тебе подготовили наши новые подмастерья? Ты их выпил что-ли? – спросил он удивленно.

– Лоренцо, дружище, не могу я работать по старинке! Краска на основе темперы очень быстро сохнет, ты ведь хорошо это знаешь, и поправки мне придется делать поверх первоначальной.

чального слоя, – голос Леонардо был тих, но в то же время тверд, хотя в нем чувствовалась какая-то затаенная погруженность в сомненья.

– Леонардо, но ведь картина уже написана темперой, она уже почти готова! И что теперь? Твой ангел будет исполнен маслом? Разве такое возможно? – не унимался Лоренцо, искренне переживая за друга, с которым они не расставались вот уже шестой год.

– Слушай, Лоренцо, яичный желток можно смело заменить льняным маслом, оно, в отличие от яиц, долго не сохнет, и, кроме того, придает картине то блеск, то матовость. Мазки, наложенные тонким слоем, прозрачны, но можно накладывать их и густыми мазками, а можно переписать или исправить уже готовую картину, если понадобится. Масло поможет мне сохранить нюансы, дружище. И не мешай мне. Поучился, а теперь иди, займись своей работой. – Леонардо улыбнулся. Действительно, за долгие шесть лет их совместной учебы у Верроккьо, он всегда помогал своему младшему другу, чей стиль в живописи, как говорили, стал походить на стиль самого Леонардо. Иногда сам Учитель затруднялся сказать, кто же был автором той или иной работы.

– Опять ты взялся за свои эксперименты! Если что-нибудь пойдет не так, ох и достанется тебе от Маэстро! – волновался за друга Лоренцо.

И вот, наконец, задание Верроккьо было выполнено. В левом углу полотна стоят, преклонив колени, два ангела. Одного из них писал Учитель, Верроккьо, другого – его ученик Леонардо. И между ними есть резкий контраст. Ангел Учителя – здоровый, полнолицый, он делает вид, будто исполнен благоговения. Внешне он похож на прихожанина Церкви, который ожидает длинной очереди к пастырю. Другой же, одетый в голубой плащ, существо с тонкими, слегка размытыми чертами лица и изящными, мягкими движениями; он выглядит как человек, но видно, что он нечто большее, чем просто человек. Мечтательный взгляд, сомкнутые в раздумье губы: «Чего ищу я на этой земле? а если я уже здесь, почему не могу остаться, будучи бессмертным, навечно?». Его вопрошающее лицо, излучающее невыразимо важный и потому непередаваемый словами вопрос, неразделимое сплетение едва уловимой улыбки и боли, радости и грусти, привязанности к жизни и кроткого с ней прощания отражаются на этих лицах с трогательной прелестью.

– Леонардо, – воскликнул Лоренцо, увидев его ангела, – это поразительно! Это луч света на холодном полотне! А твой пейзаж, и камни, вот эти самые камни на фоне текущей воды в бликах солнечного света сквозь туман – в них я слышу звук колоколов! Леонардо, ты... ты УБИЛ творение Учителя!

Вокруг работы постепенно стали собираться и другие ученики боттеги, не скрывая своего истинного восторга от увиденного. И тут, наконец, подошел сам маэстро Верроккьо. Он, в присущей ему манере, сощурил глаза, подойдя сначала к рисунку вплотную, затем, отодвинулся назад, надев очки на нос и... замер в созерцании ангела Леонардо и пейзажа. В мастерской воцарилась полнейшая тишина, было слышно, как о чем-то тихо шепчутся между собой две бабочки-блудницы под самым потолком. Лицо маэстро сосредоточилось, его крупный, мясистый нос заострился, было видно, что он пребывает в напряженном размышлении и казалось, что в этой бездонной и безграничной тишине должно вот-вот случиться что-то страшное.

– Хорош, – молвил Верроккьо, уставившись на ангела, – и даже больше чем хорош, – а затем, после долгой, мучительной паузы, продолжил тихим, но в то же время твердым голо-

сом, – И вот что я тебе скажу. Ты превзошел меня, Леонардо! – Слова прозвучали громом среди ужасающей тишины. Учитель же извлек из кармана фартука свою кисть, с хрустом переломил ее резким движением своих крепких пальцев напополам, и забросил далеко, за стол с уже протертыми красками, что сиротливо стоял в углу мастерской.

– Я даю слово, слово Андреа дель Верроккьо, – он повернулся лицом к ученикам и они увидели взволнованное, покрасневшее и даже какое-то, сразу постаревшее, его лицо – что я никогда не вернусь к живописи. Ибо мне не за чем более к ней возвращаться!

Послышался шепот в рядах учеников, особенно усердствовал Перуджино, вдруг обратившись своим громким голосом к Учителю:

– Маэстро, в Евангелии от Матвея сказано: «Нет ученика выше учителя своего».

– Я не согласен!!! – уходивший было Верроккьо взревел от этих слов. Он резко остановился и обернулся лицом к обитателям своей мастерской, – Это не так, Перуджино, ты не прав! В любой профессии ученик, через самосовершенствование и усердие, может превзойти своего учителя и, в итоге, получить знания и навыки, большие, чем у его учителя. А в Евангелии речь идет о духовном учителе. Действительно, только ученик духовного учителя этого осуществить не может, поскольку он должен воспринимать религиозные истины в таком виде, в каком они были открыты Господом через пророков. – голос Верроккьо теперь дрожал от волнения, – Друзья мои! Мы – одна семья, одно братство. И я горд тем, что могу называть вас своими талантливыми учениками. Ученик непременно должен превзойти своего учителя, но этого никогда не произойдет, если ученик видит в учителе только образец для подражания, а не соперника. Я всю свою жизнь мечтал о таком моменте и он настал, что является самой высшей для меня наградой – оставить после себя Художника лучше, чем я сам. Это и есть путь эволюции человечества: совершенствоваться с каждым поколением.

Через некоторое время, беседуя с Леонардо, Сандро поделился с ним своими соображениями:

– Леонардо, ты первый, кого так возвеличил Учитель. А то, что он забросил свои кисти, так ты это... не переживай сильно по этому поводу. Это был не гнев и не раздражение Учителя. Он никогда не считал живопись смыслом своей жизни, хотя и считается по праву одним из самых известных живописцев Фьоренцы. Он же давно мечтает сосредоточиться на работах по металлу и скульптуре. Да и потом, он очень горд и счастлив тем, что именно ЕГО ученик стал молодым гением. С твоей помощью слава его боттеги принесет ему много новых, дорогих заказов!

– Жалок тот ученик, который не превзойдет учителя, – сказал Леонардо тихим голосом. Его услышал только Сандро.

Вскоре после этого Леонардо стали доверять самостоятельные работы. Правда, его отвлекли от искусства увлечения военной техникой и анатомией, занятия последней он держал в секрете.

Живя одной семьей с друзьями по боттеге, Леонардо понял, что Лоренцо ди Креди являлся истовым католиком; глубоким, искренним религиозным чувством были проникнуты все его мысли и действия. Сандро Боттичелли, наоборот, выступал против официальной

церкви во имя забытых идеалов раннего христианства. А когда друзья-гуманисты познакомили его с воззрениями Джустино и Оригена Александрийского, он стал утверждать, что человек состоит из трех частей: тела, души и духа, и открыто проповедовал, что ад – это явление временное, а искупление грехов будет всеобщим. Перуджино объявлял себя атеистом, хотя порой, когда того требовали обстоятельства, и ссылался на Священное Писание. На деле он насмеялся над верой своих двух друзей и отрицал бессмертие души, утверждая, что большинство священнослужителей тайно разделяет его взгляды.

Для Леонардо и оба верующих живописца, и неверующий Перуджино одинаково были невеждами, ведь они исходили из туманных ощущений, а не из ясных, четких представлений. Сначала надо было все познать самому, и не только на земле, но и во Вселенной, ибо знание – есть дочь опыта: изучить проблему, а потом уже уверовать. Эти споры, естественно, не ограничивались стенами мастерской. Вскоре Боттичелли прослыл лжепророком, Перуджино – богохульником, а Леонардо все считали еретиком.

– Но если мы сомневаемся во всем, что воспринимаем органами чувств, еще больше следует нам сомневаться в явлениях, не подвластных органам чувств, как-то – в существовании бога и души, – упрямо доказывал Леонардо своему другу Лоренцо ди Креди. – Прежде чем поверить, нужно узнать. Надо изучить строение человеческого тела и уже потом обратиться к сфере духа. И если строение тела кажется тебе чудесным, оно ничто в сравнении с душой, обитающей в столь совершенном теле. Поистине душа должна быть божественной.

Однажды Верроккьо позвал Леонардо, сказав:

– Я получил заказ на картину «Благовещение» от монастыря Сан Бартоломео в Монтеоливето, Я поручаю эту работу тебе, моему самому талантливому ученику, – глаза Верроккьо были наполнены надеждой, а слова его – уверенностью в правильности своего решения. – Ты помнишь Евангелие от Луки, я надеюсь? В нем ангел Гавриил послан в Назарет, чтобы приветствовать нареченную невесту Иосифа, по имени Мария. Он, войдя к ней, сказал, если мне не изменяет память, следующее: «Не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога, и вот зачнешь во чреве и родишь сына, и наречешь ему имя Иисус». Сделай наброски фигур и придумай пейзаж, ибо апостол Лука не особенно утруждал себя в его описании. Дай мне знать, когда композиция будет готова.

Это полотно было первой самостоятельной работой Леонардо. Он, после долгого размышления, отправился в церковь Сан Лоренцо, к гробнице Медичи, что была когда-то изготовлена в мастерской Верроккьо. Сама гробница и послужила моделью для картины. Леонардо использовал много традиционных символов: лилия в руках у ангела должна была служить знаком чистоты и целомудрия, трава и цветы – означать весну, а открытая книга, лежащая на подставке, должна напоминать о пророчестве Исаяи, что Непорочная Дева родит сына.

Когда картина была готова, Учитель ее высоко оценил. Но Леонардо был в каком-то смятении. Он замечал, что правая рука Мадонны получилась излишне длинной, цветы и трава были больше похожи на пестрый ковер, а крылья ангела – на крылья хищной птицы в небе над Винчи.

– Но тебе удалось вдохнуть жизнь в ангела, и никто, у кого есть глаза, не сомневается, что твой ангел дышит, – подбодрил его Верроккьо.

Отец, сэр Пьеро, узнав об успехах сына, поспешил в боттегу выразить ему свое почтение.

– Я горжусь тобой, Леонардо, – сказал он в тот день, – ибо ты оправдал мои ожидания. А вскоре и вся интеллектуальная общественность города стала произносить его имя.

Тем временем на Флоренцию обрушилось известие о смерти Козимо Медичи. Его кончина повлекла за собой борьбу за власть. В этой схватке, в результате заговора, был убит законный наследник Козимо – его сын. И, волею судеб, в 1469 году место правителя смог занять семнадцатилетний внук Козимо – Лоренцо Медичи. Он шел путем своего знаменитого деда, проявляя любовь ко всему возвышенному. Так началась эпоха Лоренцо Великолепного. Живописцы и скульпторы, ученые и философы, поэты, архитекторы – целая плеяда талантливых людей вошла в окружение Великолепного. Флоренция его времени была центром всего лучшего. Она задавала тон, другие же города Италии старались подражать ей, но не поспевали. Лоренцо, который был далеко не великолепен внешне, с лихвой возместил сей недостаток изысканностью манер и вкуса. Он лично заглядывал в боттеги художников, беседуя с мастерами и примечая новых учеников.

Не обошел стороной он и мастерскую Верроккьо. Здесь Леонардо впервые и увидел его, и, казалось, после беседы с ним, произвел на него впечатление. Лоренцо заказывал Верроккьо картины, скульптуры и элементы интерьера для своих флорентийских дворцов. Сам Леонардо тоже бывал в резиденции Медичи на виа Ларга, где встречал художников, поэтов и ученых, и реставрировал скульптуры в прекрасном саду Медичи близ площади Сан Марко.

Как-то Верроккьо получил заказ от главного флорентийского собора – Санта-Мария дель Фьоре – исполнить замысел архитектора Брунеллески, который полвека назад построил здание этого собора со знаменитым куполом. Нужно было увенчать фонарь на вершине купола позолоченным медным шаром с крестом. Такая медная сфера должна была иметь диаметр 8 футов, или примерно 2 метра. Перед мастерами встала трудная инженерная задача – сварить сферу, поднять её над куполом и припаять. И вот, 27 мая 1471 года, сфера весом в 2 тонны была готова, и Леонардо с другими учениками Верроккьо поднимали ее на купол с помощью подъёмного крана и три дня приваривали пламенем, которое зажигали, нагревая металл на солнце при помощи вогнутых зеркал. Впоследствии они также сделали и распятие для купола собора Санта Мария дель Фьоре. А в свободное время, Леонардо имел время лепить и затем отливать из гипса на продажу небольшие скульптуры, что давало ему дополнительные небольшие заработки.

Очередной печалью для Леонардо явилось известие о смерти деда Антонио, который пережил добрую бабушку Лючию всего на полгода. Еще будучи ребенком, Леонардо считал, что дед был слишком строг к нему. Позже, повзрослев, стал понимать, что тот обладал определенной житейской мудростью. Он учил членов семьи не стремиться ни к чему высокому – ни к славе, ни к почестям, ни к должностям государственным и военным, ни к чрезмерному богатству, ни к чрезмерной учености.

«Держаться середины во всем, – говаривал он, – есть наиболее верный путь».

– Берите пример с муравьев, которые заботятся сегодня о нуждах завтрашнего дня. Будьте бережливы, будьте умеренны. С кем сравню я доброго хозяина, отца семейства? С пауком сравню его, который, в средоточии широко раскинутой паутины, чувствуя колебание тончайшей нити, спешит к ней на помощь.

Дед требовал, чтобы каждый день к вечернему колоколу Ave Maria все члены семьи были в сборе. Сам обходил дом, запирали ворота, относил ключи в спальню и прятал под свою огромную пуховую подушку. Никакая мелочь в хозяйстве не ускользала от недремлющего глаза его: не мало ли сена положено волам, фитиль ли в лампаде чересчур высок, так что лишнее масло сгорает, – все замечал, обо всем заботился. Но это была все-же не скупость, а скорее бережливость. Он сам употреблял и всем советовал выбирать для платья лучшее сукно, не жалея денег, ибо оно прочнее, – реже приходится менять, а потому одежда из доброго сукна не только почетнее, но и дешевле обходится.

На женщин он, как истинный флорентиец своего времени, смотрел свысока: «Им следует заботиться о кухне и детях, не вмешиваясь в мужнины дела; глупец – кто верит в женский ум».

Мудрость деда Антонио, разумеется, не была лишена хитрости:

– Дети мои, – повторял он, – будьте милосердны, как того требует Святая Мать наша Церковь; но все же друзей счастливых предпочитайте несчастным, богатых – бедным. В том и заключается высшее искусство жизни, чтобы, оставаясь добродетельным, перехитрить хитреца.

Он учил их сажать плодовые деревья на пограничной меже своего и чужого поля так, чтобы они кидали тень на ниву соседа; учил просившему взаймы отказывать с любезностью.

– Тут корысть двойная, – прибавлял он, – и деньги сохраните, и получите удовольствие посмеяться над тем, кто желал вас обмануть. И коли проситель умный человек, он поймет вас и станет еще больше уважать за то, что вы сумели отказать ему с благопристойностью. Плут – кто берет, глуп – кто дает. Родным же и домашним помогайте не только деньгами, но и потом, кровью, честью – всем, что имеете, не жалея самой жизни для благополучия рода, ибо, помните, возлюбленные мои: гораздо большая слава и прибыль человеку – делать благо своим, нежели чужим.

Сэр Антонио, будучи человеком предусмотрительным, завещал свой дом напротив Палаццо старшему сыну, Пьеро, тогда как дяде Франческо досталось фамильное имение в Винчи, поскольку, как считал дед, тот с его ленью не годился для Флоренции, где считается полностью потерянным день, когда недостаточно заработано денег. И действительно, в душе каждого флорентийца главными заботами были деньги и труд – стучит ли он счетами, красит ли шерсть, готовит ли свои чудодейственные снадобья или напрягает сообразительность, желая получить при продаже товара наибольшую выгоду, или еще что-нибудь полезное делает в своей боттеге.

В 1473 году, в возрасте 20 лет, Леонардо получил квалификацию мастера в Гильдии Святого Луки. Это были цеховые объединения художников, скульпторов и печатников. Гильдия получила название по имени апостола Луки, покровителя художников, который первым изобразил Деву Марию. Гильдия предоставляла возможность открыть мастерскую и набрать учеников, которые, работая с художником, не имели права подписывать свои работы, и эти работы становились собственностью учителя. Кроме этого гильдия являлась защитой на случай нужды и болезни ее членов, а также брала на себя заботу о погребении усопших членов гильдии.

До вступления в Гильдию состоялся диалог учителя и ученика:

– Дорогой мой Леонардо, – сказал ему Верроккьо, – для вступления в Гильдию требуется, чтобы художник был гражданином города и имел собственное жильё. С этим проблем у тебя быть не должно. Но, как ты сам видел, тебе не хотели позволять зарегистрироваться в статусе мастера, что дает доступ к высоким и доходным должностям в обществе, так как от художника, по законам Республики, требуется иметь жену. Если бы не обширные связи твоего отца в Магистрате, у нас ничего бы не вышло. Глупые, глупые, нечеловеческие законы! – сокрушался Верроккьо.

– Маэстро, – ответил ему Леонардо, – я считаю, что художник не должен быть скован узами брака, чтобы семейное благосостояние не вредило силе духа. Он должен быть одиноким и созерцать то, что он видит, и разговаривать с собою, выбирая лучшее из того, что он видит. Он должен быть как зеркало, которое меняет столько цветов, сколько их у вещей, поставленных перед ним. Если он будет поступать так, ему будет казаться, что он поступает согласно природе...

– Прими мои поздравления, Леонардо! Вот и закончились твои ученические годы, и ты покидаешь меня, – взволнованно продолжил Верроккьо. – Я никогда тебе ранее не говорил об этом, но сейчас хочу сказать, что ты стал для меня самым удивительным открытием. Когда-то я наивно полагал, что смогу читать тебя как открытую книгу, но мне так и не удалось разгадать тот секрет, что скрыт внутри тебя... Я и представить себе не мог, что можно знать человека настолько хорошо, и одновременно чувствовать, что в нем еще так много неразгаданного. Ты единственный из моих учеников, кто смог превзойти меня, Леонардо! И я, никогда не имевший жены или собственных детей, полюбил тебя как сына... нет... много более чем сына. Знай, мои чувства не зависят от того рядом ли ты, они не остынут, даже если нас будут разделять тысячи километров. Мне важна духовная наша близость. Мне хочется знать все о твоих переживаниях и мечтах, и я буду благодарен, если ты позволишь мне разделить с тобой любые моменты твоей жизни, не важно, будут ли они печальными, полными огорчений, или радостными. Каждый создает свой мир и свою любовь. Я люблю тебя, Леонардо, и мне хочется, чтобы об этом знал весь мир, но в то же время это оставалось бы нашей тайной. Ты чудесный и очень дорогой для меня человек. Я молю Господа, чтобы ты был счастлив...

С этими словами он снял с пальца свое серебряное кольцо, с которым до этого никогда не расставался, и подарил его Леонардо.

* * *

В 1476 году Леонардо, за сравнительно небольшие деньги, снял помещение для собственной мастерской. Она находилась в здании мужского монастыря Св. Аннунциаты в самом центре Флоренции. Помещение состояло из пяти комнат, в которых и поселился Леонардо со своими учениками, которых он довольно быстро приобрел. Условия его обители были превосходными, и самая большая комната с двумя окнами была его спальней. Кроме нее была еще смежная потайная комната, где он работал. Остальные комнаты служили мастерской для него и его учеников, которых было шесть человек, в том числе – один повар. Леонардо был безгранично счастлив этой полутайной обителью, так как в монастыре располагалась богатая библиотека, содержащая коллекцию из почти 5000 рукописей, очень его интересовавших.

Теперь, не будучи привязанным к боттеге Верроккьо в качестве ученика, Леонардо имел время для более частых прогулок по Флоренции. Его можно было видеть повсюду – этого высокого, сильного молодого человека, аккуратно причесанного и надушенного благовониями

из трав, одетого в чёрный камзол и длинный тёмно-красный плащ старинного флорентийского покроя с прямыми складками, с чёрным бархатным беретом, покрывающем голову, и с любимой лютней в руках, сделанной им из окованного серебром конского черепа, на которой он играл и любил петь песни собственного сочинения. Его интеллектуальные и моральные качества просвечивали сквозь привлекательную внешность. Со своим высоким лбом, длинными волосами, чарующим взглядом он был красив, любезен, щедр, искусен в фехтовании – безупречный рыцарь. Он владел шпагой так же ловко, как кистью и резцом. Его слово убеждало разумом и подкупало красотой. Его вид прогонял любую грусть, а физическая сила равнялась его уму. Он останавливал коня на скаку, и та рука, которая могла согнуть язык колокола, могла также заставить трепетать струны гитары или перебирать гриву с бесконечной нежностью.

Он заходил в церкви, на стенах которых можно было видеть фрески, и подолгу всматривался в фигуры, изучая их и делая зарисовки. Рисовал он и античные статуи.

В кармане его плаща всегда лежал маленький альбом, куда он, своими быстрыми штрихами, зарисовывал все, что привлекало его внимание.

– Ты по-прежнему носишь с собой альбом в кармане, как во времена нашего ученичества у Верроккьо, – спросил его однажды на прогулке Лоренцо ди Креди.

– Лоренцо, дружище, альбом я ношу для себя, не для маэстро Верроккьо, – отвечал ему Леонардо, – и тебе советую это делать. И пусть в нем будет слегка подцвеченная бумага, чтобы ты не смог стереть нарисованного, а всякий раз должен был перевернуть страничку. Такие зарисовки нельзя ни в коем случае стирать, их надобно сохранять с крайним прилежанием, потому что существует столько форм и действий, что память неспособна их удержать. Поэтому тебе следует хранить эти наброски: они примеры для тебя и твои учителя.

Он бродил по узким, зачастую дурно пахнувшим узким улочкам города, вдоль канав, по которым текли струи разноцветных жидкостей, вылитых из красивых чанов. Черепичные кровли домов сходились так близко, что даже днём на улицах было темно. У входа в лавки висели пёстро окрашенные образцы шерстяных тканей, которыми славилась Флоренция. Но больше всего его интересовали люди. И вовсе не обязательно красивые. Он развлекал себя тем, что выходил отдохнуть и прогуляться на воздухе, внимательно наблюдая и делая зарисовки людей, которые разговаривают или спорят друг с другом, или смеются, или бросаются друг на друга с кулаками. Однажды он потратил весь день, преследуя одного бородатого мужчину и делая при этом свои зарисовки в альбоме. Затем этот рисунок проходил через различные изменения, но главное, к чему Леонардо стремился, это подчеркнуть наиболее существенное – характер и душу этого человека, оживить его, сделать его окруженным воздухом и освещенным.

Своим ученикам он объяснял, что на плоской бумаге трудно передать объём предмета. Для этого недостаточно линии, необходимы постепенные переходы от света к тени:

– Например, – говорил он им, – очерченный линией круг на поверхности бумаги будет казаться плоским. Но если с одной стороны наложить тень, то круг превратится в шар. Так можно лепить фигуры на бумаге, заставляя взаимодействовать сообща рисунок, свет и тень.

Когда Леонардо только приехал во Флоренцию, это была пора ее расцвета. Шло бурное развитие торговли, промышленности, банков. От изобилия денег местные богатеи отдавали

немало на украшение своих жилищ, общественных зданий и жизни вообще. Никогда празднества не были так пышны и не длились так долго. Никогда до этого поэзия, живопись, гуманизм не цвели так пышно, как в эту пору. Географические вопросы стали вопросами актуальными, потому что надо было искать новые рынки для добычи сырья, продавать готовую продукцию. И во Флоренции география самым естественным образом сделалась предметом научного изучения. Среди ее географов был один ученый первой величины, прекрасно понимавший значение науки для жизни и стремившийся оплодотворить ее данными астрономии, Паоло Тосканелли, у ног которого впоследствии появится внимательный ученик юный генуэзец по имени Христофор Колумб. Но Тосканелли был не только географом и астрономом. Он был еще врачом и математиком. Славу математика он делил с другим своим современником, Бенедетто дель Аббако, – автором трактатов, по которым тосканцы учились арифметике, и которого поэт-гуманист Уголино Верино воспевал в своих латинских стихах. Близок к Тосканелли был еще один географ и астроном, Карло Мармокки. Они обсуждали вместе с другими учеными, разделявшими их интересы, вопросы астрономии, механики, математики. Еще одним известным человеком той поры был Леон Баттиста Альберта, поэт, гуманист, экономист, механик, физик – тип «человека всеобъемлющего», *homo universale*.

Но и в эпоху золотого века, случается, появляются маленькие тучки на еще ясном, безмятежном голубом небе. А началось все в соседних государствах. Сначала Венеция, которую теснили турки на Архипелаге, двинулась на завоевание восточной Ломбардии и воздвигла заставы в восточных альпийских проходах, а в 1453 году турки взяли Константинополь и закупили пути к левантским рынкам. Приходилось бояться худшего, и нужно было принимать меры.

Вот почему в обществе возник интерес не только к географии, но и к экономике и технике. География должна была помогать торговле, экономика и техника должны были улучшать производство. Флорентийские купцы – люди очень предусмотрительные. Обществу для обеспечения хорошей жизни нужно было оставить рассуждения о лицемерии и добродетели – они годились для спокойных времен и совсем неплохо заполняли в ту пору досуги образованных купцов. Сейчас же надо было писать о вещах более необходимых: о том, как усовершенствовать прядильные и ткацкие станки, как поднимать урожай, как вести хозяйство в обширных загородных имениях, чтобы оно давало больше дохода. Поэтому Тосканелли и его окружение с таким увлечением рассуждали о механике и математике, и Леонардо да Винчи был близок к ним, так как чувствовал, что не получил полного удовлетворения от того обучения, которое получал в мастерской Верроккьо, ни теми искрами науки, которые он мог хватать там на лету, а как человек с пытливым умом, он тянулся туда, где наукой интересовались по-настоящему, – к Тосканелли и к его кружку.

Главным направлением флорентийского искусства был реализм, который копировал природу и быт, и оно в первую очередь служило вкусам богачей, хотя постепенно стало показывать особенности, отражавшие отдельные моменты развития общества. Например, живопись и скульптура Верроккьо, главного художника той поры, требовали научных принципов, позволяющих в технике искусства перейти от случайности к более твердым принципам. Это сближало художников с учеными и, таким образом, искусство становилось наукой. Таково было требование профессиональной техники. Для Флоренции, города разнообразной и сложной промышленной техники, это было естественно. Во Флоренции никому не нужно было доказывать, как ускоряет и совершенствует производство хорошая техника. Боттеги крупных художников и прежде были не чужды научных интересов. Многие живописцы и скульпторы, углубляя изучение приемов своего мастерства, естественным образом доходили до постановки научных вопросов, в частности вопросов, связанных с геометрией и с оптикой, с математи-

кой вообще. Леонардо же чувствовал, что ему было мало той науки, которая культивировалась в мастерской Верроккьо, и он обратился к флорентийским математикам. Ему также была не чужда гуманистическая наука, хотя он не считал себя гуманистом.

– Да, я не гуманист, – объяснял он, – но я принадлежу к интеллигенции, хотя все во Фьоренце и считают художника ремесленником. Хорошая ученость родилась от хорошего дарования; и так как надобно более хвалить причину, чем следствие, больше будешь ты хвалить хорошее дарование без учености, чем хорошего ученого без дарования.

День за днем и месяц за месяцем, Флоренция все больше говорила о Леонардо. Казалось, он очаровывал ее жителей своим умом и красотой. Но его это мало волновало. Он продолжал оттачивать свое художественное мастерство и, хотя его картины становились все более жизненными, он понимал, что ему был необходим опыт, так как только опыт может рождать мудрость.

– Познание, не прошедшее через опыт, через ощущения, с которых он начинается, не порождает истины о действительных порядках природы. – провозглашал он в беседах с учениками. – И я не доверяю тем современным умам человечества, которые одним своим, пусть и богатым, воображением хотят посредствовать между природой и людьми.

Под опытом Леонардо понимал и наблюдение над природными явлениями, и физический эксперимент, и рисунок или инженерную конструкцию. Он верил в созидательную мощь человека, в силу разума и знаний, постигаемых через единство теории и практики, ибо человек-творец может не только сравниться с природой, но и превзойти ее. Там, где природа кончает производить свои виды, там человек начинает из природных вещей создавать, с помощью этой же самой природы, бесчисленные виды новых вещей.

Ни одна наука не оставляла его равнодушным, его увлекали астрономия и геология, минералогия и зоология, ботаника и астрология. Он, в своих исканиях, был похож на Ясона из древнегреческих мифов, ищущего золотое руно знаний: ознакомился с трудами Оригена Александрийского, диалогами Платона, посещал кружок ученых-евреев, где изучал тайны Каббалы и алхимии. Он был верен механике, гидравлике, анатомии, музыке, геометрии и математике, ибо последняя – это единственная наука, которая содержит в себе собственное доказательство. И живопись – не ремесло, нет, это наука, более того, даже королева наук, потому что она не только дает знание, но и передает его всем поколениям во всем мире. Живопись распространяется на поверхности, цвета и фигуры всех предметов, созданных природой, а философия проникает внутрь этих тел, рассматривая в них их собственные свойства. И поистине, живопись – законная дочь природы, ибо она порождена природой. Всё его подкупает в природе: и ее разнообразие, и ее чувство меры. В то же самое время он безуспешно пытался в удивительном и загадочном строении Вселенной найти следы и черты ее Создателя, смотря не в прошлое, но вперед, в будущее.

Видя в настоящем художнике прежде всего не ремесленника, а ученого, имеющего своё восприятие мира, Леонардо понимал, что ему надо быть первым из первых, ведь он обещал это отцу. А для этого он был обязан улучшить свою память и развить воображение. Он мечтал проникнуть в тайны человеческой психики, наблюдая за поведением и мыслями людей. В погоне за поставленными целями ему совершенно не хватало времени и он разработал свою формулу сна: стал спать по 15 минут каждые 4 часа, сокращая таким образом свой суточный сон с восьми до полутора часов в сутки, что позволяло ему сильно продлевать время своей активной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.